

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА К ДОСТОЕВСКОМУ

Настоящая публикация писем к Достоевскому продолжает серию публикаций, запланированную Редакцией академического Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского (см.: Достоевский и его время. Л., 1971. С. 250—270; Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1974. Т. 1. С. 285—304; 1976. Т. 2. С. 297—392; 1978. Т. 3. С. 258—285; 1980. Т. 4. С. 239—253; 1983. Т. 5. С. 246—270; 1987. Т. 7. С. 270—285; 1991. Т. 9. С. 267—293; 1993. Т. 10. С. 194—227; 1994. Т. 11. С. 221—234).

Тексты писем подготовили и комментарии к ним составили: С. А. Ипатова (С. Е. Лурье, А. П. Корба), А. В. Архипова (Аноним, Неизвестный).

С. Е. Лурье — Достоевскому

1

15 августа 1876 г. Петербург

15-го августа 1876 г. Петербург

Многоуважаемый Федор Михайлович!

Я пишу Вам из Петербурга, следовательно я не поехала *туда, да и никогда не поеду*.¹ Я знаю,² Вы понимаете, как мне тяжело, нет, этого слова слишком мало, — порываться и сидеть на месте, говорить и не делать... но что же мне делать, Боже мой, если я дала честное слово? Однако я ужасно бестолково говорю и никак нельзя понять, в чем дело.

Когда я через несколько дней намерена была отправиться, вдруг приехал мой отец (7-го числа).² Здесь он не мог не узнать об этом: даже первый намек его поразил, но он думал, что это шутка; узнав от окружающих, что это совершенно серьезно, мой папаша приступил к усовещаниям, потом прямо к угрозам: что я несовершеннолетняя, что он мне ни гроша не даст и полицией заставит воротиться в Минск. Угрозы не подействовали; я думала продать ценные вещи, тем более, что мой медальон один стоит 100 р<ублей>, но папаша был вне себя, за несколько дней он до того изменился, что его не узнавали, каково было мне сознавать себя причиной его горя,

¹ Было: уверена

наконец он приступил к просьбам, просил, если твоя гибель, жизнь, счастье для тебя ничего не значат, то пощади мое имя, свою будущность ради меня, и несмотря на мое недоумение, чем я порчу будущность и врежу его имени, он отвечал, что я слишком молода, чтоб понимать это, папаша *плакал передо мною*; Вы не можете знать, что это значит, мой папаша, гордый аристократ (у евреев есть своя аристократия, и папаша считает свой род чуть ли не с царя Давида и пророков), понятно, что уже было слишком даже для дочери, чтоб броситься ему на шею, успокоить его и дать, не по требованию, честное слово, что не поеду; на просьбу ехать домой я отвечала решительным отказом;³ все что я смогу сделать для них отсюда, я понятно сделаю, чтоб моя совесть была чиста; а разве была физическая возможность, нет, физическая была, взять да уехать, но человеческая возможность разве была поступить иначе?

Пожалуйста, извините, что я Вам так много пишу о себе, но мне, кажется, легче будет, если Вы будете знать, в чем дело. Я еще так возбуждена, что решительно не в состоянии заниматься серьезно.

Хоть я знаю, что не имею ни малейшего права и Вы, быть может, мне и не ответите, но мне очень хочется знать и я хочу у Вас спросить (я читала Ваш последний Дневник), почему Вы меня жалели, когда я собиралась ехать?⁴ Меня, ни в чем никогда не нуждавшуюся, с надеждами, целями, мечтами о будущем, отчего меня было жалеть, ведь только теперь мне тяжело, а если б я поехала и никто бы этим огорчен не был, я была бы вполне счастлива, сколько я ни думала, никак не могу понять почему?

Еще раз прошу извинения, что я Вам так много пишу, но оно, право, само как-то пишется, ведь, включая Вас, никто этого знать не будет.

Мои более близкие знакомые знали, что я собираюсь ехать, теперь они подшучивают над этим, говоря, что вся храбрость на словах, но разве я могу всякому рассказать, что отец мой плакал передо мною, да и поймут ли они, что это значит? Впрочем, мне теперь не до них.

Федор Михайлович! я Вам буду очень, очень благодарна, если Вы удостоите меня ответа,⁵ а то я сижу без дела, даже есть не могу; а Вы ведь имеете на меня влияние.

От глубоко Вас уважающей и преданной Вам Софьи Лурье.

Мой адрес: Лесной Корпус, большая объездная дача № 28 для Софьи Ефимовны.

Софья Ефимовна Лурье (1858—1897), девушка из богатой еврейской семьи, дочь банкира, студентка женских педагогических курсов, приехавшая в Петербург из Минска. В начале апреля 1876 г. обратилась к Достоевскому (письмо не сохр.) с просьбой порекомендовать ей для чтения несколько названий необходимых книг. 16 апреля 1876 г. Достоевский ответил ей, что в письме сделать это трудно, «книгу выбрать надо сообразно со складом ума, а потому лучше узнать друг друга ближе», и пригласил посетить его «в один из текущих дней»: «Хоть я и занят, но для Вас найду несколько минут ввиду Вашей чрезвычайной ко мне доверенности, которую умею оценить» (292, 81). Лурье ответила 25 апреля 1876 г. (Вопросы литературы 1971. № 9. С. 181—182), что просит «назначить день и час», чтобы узнать ее, а также «помочь» и «быть руководителем». Свое решение писать к Достоевскому считает следствием «почти необходимости знать человека». Личное знакомство состоялось, скорее всего, в конце апреля 1876 г. Позже писатель ошибочно отнесет его к зиме 1876 г. (см.: 23, 51; 25, 392); «...она <...> очень заботится о своем образовании и приходила спрашивать у меня советов: что ей читать, на что именно обратить наиболее внимания, — вспоми-

нает Достоевский в «Дневнике писателя» за 1876 г. — Она посещала меня не более раза в месяц, оставалась всегда не более десяти минут, говорила лишь о своем деле, но не многоречиво, скромно, почти застенчиво, с чрезвычайной ко мне доверчивостью. Но нельзя было не разглядеть в ней весьма решительного характера, и я не ошибся» (23, 51). Писатель выбрал для чтения и дал Лурье две книги — «Россию и Европу» Н. Я. Данилевского и «Записки Екатерины» (см. ее письмо от 2 сентября 1877 г.). 29 июня 1876 г. Лурье посетила Достоевского, который в этот день просматривал корректуру июньского номера «Дневника», посвященного, в основном, судьбе восточного вопроса, единению славян за освобождение сербов и черногорцев с началом военных действий между Сербией и Турцией, и повела о своем решении отправиться в Сербию сестрой милосердия в числе русских добровольцев; «...ей надо было и мое напутствие. <...> Она ушла с сияющим лицом и, уж конечно, через неделю будет там» (23, 52—53). Именно этот визит Лурье лег в основу заключительной главы июньского номера «Опять о женщинах» (см.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 1995. Т. 3. С. 106).

Однако в Сербию Лурье не поехала, так как этому воспротивился ее отец; позже появился еще целый ряд причин, препятствующих этой поездке, которые в свое оправдание она регулярно излагала писателю в последующий переписке уже из Минска, куда вернулась в конце 1876 г. по настоянию родителей.

Одно из писем Лурье о похоронах минского врача Гинденбурга было приведено Достоевским в мартовском номере «Дневника» за 1877 г. (главы «Похороны „Общечеловека“» и «Единичный случай»), посвященного, в основном, еврейскому вопросу (25, 88—92).

Переписка эта продолжалась более полутора лет (апрель 1876 г. — ноябрь 1877 г.), за которые «руководство», понимание и сочувствие Достоевского сменились к концу на раздражение, резкость и неприятие по поводу ее «необразованности», «неразвитости», «неумения и нежелания учиться жить» и т.д. (см. письмо Лурье от 2 сентября 1877 г.). Трудно судить, насколько объективны были причины, препятствовавшие поездке Лурье на фронт, а также о том, насколько ошибся Достоевский относительно ее «весьма решительного характера», однако сама Лурье в последнем письме напишет: «Я знаю, Вы были обо мне хорошего мнения, но теперь разочаровались, так как из меня ничего не вышло, но я не отчаиваюсь, я докажу Вам со временем, что первоначальное мнение было настоящее» (между 6 и 28 ноября 1877 г.). Известно также, что сам Достоевский, описывая Лурье в июньском «Дневнике» за 1876 г. как любимым им тип жорж-зандовской героини с жаждой «жертвы, подвига, доброго дела <...> и ни малейшего тщеславия» (23, 52—53), уже предполагал и эту развязку; в тот же день, когда его посетила Лурье и была написана глава «Опять о женщинах» (29 июня 1876 г.), Достоевский отметил в Записной тетради: «Великая идея, питать ее будет, останется же, затоскует (педагогический экзамен)» (в ПСС не откомментировано) и далее: «Как отговаривать. Педагогические курсы, не найдется ничего под оборотом медали, затоскует» (24, 226). И как логическое завершение этого возможного предположения Достоевского — его ироническая запись в подготовительных материалах уже к октябрьскому выпуску «Дневника» 1876 г.: « — Поехала бы в Сербию. — Сберегите ваш энтузиазм. Школы» (рядом помета на полях: «Образ») и здесь же: «Школы — замаскированный эгоизм. Школы всегда при себе иметь будет. А славян — не всегда» (23, 190—191). (Представляется, что тема женщины в русском обществе и описанные в связи с этим в июньском номере «Дневника» Писарева, героини Жорж Санд раннего периода и Лурье в этом ряду могли бы стать предметом отдельного исследования).

Весь корпус сохранившейся переписки насчитывает девять писем Лурье (ИРЛИ, РГБ; 1876—1877 гг.; одно опубл.) и один пустой конверт от письма 17 июля 1876 г., посланного ею в Эмс (*на конверте*: Vad-Ems. A M-r Th. Dostoiewsky. Poste restante. Allemagne; почтовый штемпель на обороте конверта: «17 июля С.-Петербург 1876») и три письма — Достоевского (1876—1877 гг.). В воспоминаниях Поля Эпштейна (1883—1966), сына Лурье, профессора теоретической физики Калифорнийского института технологии (США), утверждается: «У нее было десять писем Достоевского, написанных его аккуратным и красивым почерком — их вполне можно было бы называть образцом каллиграфического искусства. Из них три затерялись еще при ее жизни... Остальные семь сохранились, к моменту ее смерти находились в ее владении. Когда некто по фамилии Розанов (имеется в виду В. В. Розанов. — С. И.) писал биографию Достоевского, он запросил у нее официально эти письма <...>, и вероятно, снял с них копии, которые могут находиться в каких-то архивах <...>, я никогда не смог их разыскать» (сообщил доктор Дж. Шерон в письме от 30.V.1986 г. См. также:

292, 320). Таким образом, из вероятных десяти писем Достоевского к Лурье известны три (292, 81, 146, 150), содержание еще двух несохранившихся восстановлено по письмам Лурье (см.: 292, 318, 319); оставшиеся могут находиться в РГБ (б. ГБЛ) или РГАЛИ (б. ЦГАЛИ) (поиски составителя «Списка несохранившихся писем» результатов не дали).

Приношу благодарность Н. П. Генераловой и Р. Ю. Данилевскому за помощь в переводе иностранных фрагментов публикации.

Все письма публикуются по подлинникам: ИРЛИ, № 29768 (1—5, 7, 8); РГБ, ф. 93.П.6. 31(6).

¹ Речь идет о поездке Лурье в Сербию, о которой шла речь при встрече с Достоевским 29 июня 1876 г.; глава июньского «Дневника» выросла непосредственно из этой встречи.

² Отец Лурье приехал в Петербург 7 августа 1876 г., а не июля, как может показаться: «через несколько дней» (после встречи 29 июня?) — в таком случае содержание настоящего письма должно было повторять несохранившееся письмо Лурье от 17 июля в Эмс (см. конверт), о чем нет никаких упоминаний. Имеется в виду или после письма Лурье в Эмс, или, скорее всего, «через несколько дней» после ответа Достоевского из Эмса от конца июля 1876 г., продолжавшего, по-видимому, тему напутствия (косвенно в пользу существования ответа говорит тот факт, что немецкий адрес писателя мог быть получен Лурье только от него). В любом случае отец Лурье приехал 7 августа.

³ По требованию родителей Лурье вернулась в Минск, вероятно, в конце 1876 г. Имеется в виду следующее место из главы «О женщинах»: «Мне вдруг стало очень жаль ее, — она так молода. Пугать ее трудностями, войной, тифом в лаваретах — было совсем лишнее <...> жалка мне ее молодость, но остановить ее я <...> не мог...» (23, 52—53).

⁴ Ответное письмо Достоевского неизвестно, — вероятно, его и не было, так как в следующем письме (от 27 сентября 1876 г.) Лурье пишет, что Достоевский «успел забыть» ее.

2

27 сентября 1876 г. Петербург

Петерб<ург>. 27-го сентября.

Многоуважаемый Федор Михайлович!

Вероятно, Вы успели забыть меня, но я, как видите, думаю о Вас и думаю тогда именно, когда требуется сделать что-нибудь хорошее. Федор Михайлович! Я не привыкла «просить» и всегда с презрением относилась к этому. (Почему-то казалось, что лично для меня это — вещь невозможная). Я лучше готова была отдать все, что от меня требовали, лишь бы не просить даже за других; но теперь я не знаю, как пособить горю. Вы хороший человек и не откажетесь помочь какой-нибудь работой; но я все кругом да около, а к делу не приступила, так вот оно в чем: на наших курсах,¹ на одном курсе со мною (т.е. на III) есть одна девушка, которую я хорошо знаю и знаю, что она заслуживает полнейшего уважения.² Еще в прошлом году она сильно бедствовала, но имела все же урок и пробивалась, она никогда нам не жаловалась, всегда была весела и отлично занималась. В этом году у нее ровно никаких средств, нужда крайняя. Питается она черт знает чем; притом она очень горда, и предложить ей помощь я просто не смею, зная ее характер. Я приехала несколько поздно, все знакомые семейства уже запаслись репетиторами, да

притом они говорят, что предпочитают взять студента. Что поделаешь! Итак, Федор Михайлович, остается надежда на Вас. Вы, конечно, можете ей доставить работу, какую бы то ни было, ей все равно, напр<имер> перевод (она хорошо знает нем<ецкий> яз<ык>), корректуру, урок etc. Дело это не шуточное, и если я решилась беспокоить Вас, то ввиду его важности. Вы мне можете ответить, что таких, как она, масса, но ведь ей от этого не легче.

Что касается меня, то я здорова, занимаюсь довольно хорошо, лето пробыла за границей, была на Рейне, вообще время провела, как говорится, «и приятно, и полезно».³

У Вас затерялся экземпляр «Записок еврея» Богрова, если для Вас не затруднительно, я бы просила отыскать его и назначить, когда я могу его получить, так как это подарок автора и с моей стороны была бы непростительная небрежность не ценить его.⁴

Кланяется Вам сердечно и остается с надеждой на счастливый исход «дела»⁵ преданная Вам

С. Лурье.⁶

Мой адрес: Николаевская улица, дом 20, кв. 21.

¹ Лурье была студенткой Педагогических курсов, каких именно, не установлено.

² О какой сокурснице идет речь, неизвестно.

³ До середины августа 1876 г. Лурье была в Петербурге (см. предыдущее письмо). За границей на Рейне она могла быть, вероятно, со второй половины августа до середины сентября («приехала несколько поздно»).

⁴ Григорий Исаакович Богров (1825—1885) — прозаик. В 1863 г. написал первую часть своего основного произведения — полумемуарного романа-очерка «Записки еврея», который опубликовал Н. А. Некрасов (Отечественные записки. 1871—1874; отд. изд. — СПб., 1874; здесь имеется в виду отдельное издание). В «Записках» описывался мир еврейского населения за чертой оседлости, его нищета и невежество, традиционные обычаи и обряды. Выступал против дискриминации евреев в России (см.: Русские писатели: Биографический словарь. 1800—1917. М., 1989. Т. 1. С. 304). Достоевский нигде не упоминает о своем знакомстве с этим романом, и потому вряд ли просил Лурье снабдить его им. Вероятно, это была ее инициатива. См. также постскрипtum к следующему письму и примеч. 4 к нему.

⁵ Исход «дела» — предоставить работу сокурснице Лурье — неизвестен. Однако не исключено, что среди прочих подобных просьб, о которых пишет Достоевский в Записной тетради 1876—1877 гг., имела место и просьба Лурье: «Письма: приищите работу, уроки. Если вы добрый человек» (24, 249, 380).

⁶ Ответ Достоевского на это письмо неизвестен.

3

13 февраля 1877 г. Минск

Многоуважаемый Федор Михайлович!

Это я пишу под свежим впечатлением похоронного марша. Хоронили доктора *Гинденбурга* 84-х лет от роду. Как протестанта, его сначала отвезли в кирху, а уже затем на кладбище. Такого сочувствия, таких от души вырвавшихся слов, таких горячих слез я еще никогда не видела при похоронах, да и не часто это приходится видеть. Он умер в такой бедности, что не на что было хоронить его.

Уже 58 лет как он практикует в Минске и сколько добра он сделал за это время. Если б Вы знали, Федор Михайлович, что это был за

человек! Он был доктор и акушер; его имя перейдет здесь в потомство, о нем уже сложились легенды, весь простой народ звал его отцом, любил, обожал и только с его смертью понял, что он потерял в этом человеке. Когда он еще стоял в гробу (в церкви), то не было ни одного человека, который бы не пошел поплакать о нем и, рыдая, целовать его ноги, в особенности бедные еврейки, которым он так много помогал, плакали и молились, чтоб он попал прямо в рай. Сегодня пришла бывшая наша кухарка, ужасно бедная женщина, и говорит, что при рождении последнего ребенка, он, видя, что ничего дома нет, дал 30 к<опеек>, чтоб сварить суп, а затем каждый день приходил и оставлял 20 к<опеек>, а видя, что она поправляется, прислал пару куропаток. Также будучи позван к одной страшно бедной родильнице (такие к нему и обращались), он, видя, что не во что принять ребенка, снял с себя верхнюю рубаху, платок свой (голова у него была повязана платком), разорвал и отдал.

Еще. Вылечил он одного бедного еврея дровосека, затем заболела его жена, затем дети, он каждый Божий день приезжал 2 раза и, когда всех поставил на ноги, спрашивает у еврея: Чем ты мне заплатишь? Тот говорит, что у него ничего нет, только последняя коза, которую он сегодня продаст. Он так и сделал, продал за 4 р<убля> и принес ему деньги, тогда доктор дал лакею своему еще 12 р<ублей> к этим 4-м и отправил купить корову, а дровосеку велел идти домой, через полчаса тому приводят корову и говорят, что доктор признал козье молоко для них вредным.

Так он прожил всю свою жизнь. Бывали примеры, что он оставлял 30 и 40 р<ублей> у бедных, так у бедных баб в деревнях.

Зато хоронили его как святого. Все бедняки заперли лавки и бежали за гробом. (У евреев есть мальчики, которые при похоронах распевают псалмы, но запрещается провожать иноверца этими псалмами). Тут перед гробом, во время процессии, ходили мальчики и громко распевали псалмы. Во всех синагогах молились за его душу, также колокола всех церквей звонили все время процессии. Был хор военной музыки, да еще еврейские музыканты пошли к сыну усопшего просить, как чести, позволения играть все время процессии. Все бедные принесли кто 10, кто 5 к<опеек>, да и богатые евреи дали много и приготовили великолепный, громадный венок из свежих цветов с белыми и черными лентами по сторонам, где золотыми буквами были вычислены его главные заслуги, так учреждение больницы и т.п.— я не могла разобрать, что там, да и разве возможно вычислить его заслуги?

Над его могилой держали речь пастор и еврейский раввин, и оба плакали, а он себе лежал в стареньком, истертом вицмундире, старым платком была обвязана его голова, эта милая голова, и казалось, он спит, так свеж был цвет его лица.¹

Извините, многоуважаемый Федор Михайлович, что я так распространяюсь, но ведь я Вам часто говорю о том, что меня больше всего интересует. А мне здесь была тоска и скука страшная. Но разве я не могу также приносить пользу? Моя бабушка слаба и больна, маленькая сестра больна, а скольким бедным и несчастным я могу помочь, ну хоть бы деньгами.² Если б Вы видели, в какой я была хижине. Голые ребятишки воют от голода, мать больная лежит на

печке, холод страшный, со стен капает вода (была оттепель), Боже мой, как люди живут!

Я и совсем забыла, о чем, собственно, хотела писать. За меня сватаются 2 жениха, один доктор, другой кандидат университета, оба богатые, знатные и молодые, мамаша хочет, чтоб я непременно вышла за доктора, красавца и богача, и надворный советник он (я, право, не знаю, что это значит). Его фамилия — Блох. Мамаша говорит, что такой партии не представится, а он согласен ждать, сколько мне будет угодно. Но разве я могу выйти замуж, не любя? Пожалуйста, дайте мне совет.³ Я его очень уважаю, но не больше. Мамаша сердилась и плакала целый вечер. Я ему скажу, что не люблю его, тогда он конечно не захочет жениться, а ему 35 л<ет>, а мне еще нет 19. Я с нетерпением буду ждать ответа, если Вы им удостоите уважающую и преданную Вам

С. Лурье.

P.S. Прошу Вас сохранить «Записки еврея», это подарок автора, друга нашего дома, также не верьте ему во всем, он преувеличивает страшным образом, напр<имер> моя мамаша говорит, что его жена очень милая и добрая женщина, конечно не образованная.*⁴

На конверте: г. Федору Михайловичу Достоевскому
Греческий проспект, возле Греческой церкви, дом Струбинского
кв. № 6 в С.-Петербурге.

На конверте рукой Достоевского: «Лурье отвечено».

Почтовые штемпели на обороте конверта: «13 февраля Минск 1877», «14 февраля Минск 1877», «16 февраля Петербург 1877».

На первой странице в левом верхнем углу монограмма «Б. А.»

¹ Текст: «Это я пишу ~ цвет его лица» лег в основу статьи «Похороны „Общечеловека“» мартовского выпуска «Дневника» за 1877 г., посвященного, в основном (главы вторая и третья), еврейскому вопросу (25, 89—90). В ответном письме к Лурье от 11 марта 1877 г. Достоевский писал: «Вашим доктором Гинденбургом и Вашим письмом (не называя имени) я непременно воспользуюсь для „Дневника“. Тут есть что сказать» (292, 147). Тональность и полемическую направленность этих глав определила переписка с литератором и критиком А. Г. Ковнером (см. о нем: 25, 387) и петербургским врачом Т. В. Брауде (см. о ней: 302, 109, 113). Вряд ли и юная Лурье могла быть оппоненткой Достоевского в столь сложном вопросе (см.: 25, 355—356, 389; 301, 260). Именно Брауде, а не Лурье имеет в виду Достоевский, когда пишет в подглавке «Но да здравствует братство!»: «Неужели правда, как пишет мне одна <...> благороднейшая и образованная еврейская девушка, — неужели и я, по словам ее, враг этого „несчастливого“ племени, на которое я „при всяком удобном случае будто бы так жестоко нападаю“» (25, 86, а также: 292, 279). Случай же, описанный Лурье, о том, как евреи в Минске хоронили врача-немца, всю жизнь самоотверженно лечившего еврейскую бедноту, использован Достоевским в качестве заключения к этой полемике, как иллюстрация к одному из важнейших гуманистических тезисов писателя, а в данном случае и к возможному решению этого вопроса — любовь и служение людям способны объединить народы (см. главку «II. Единичный случай» — 25, 90—92).

Текст письма Лурье практически не изменен и использован как наборная рукопись; правка Достоевского — более 20 мелких исправлений — носит, в основном, стилистический характер.

² Позже в Подготовительных материалах к «Дневнику» Достоевский напишет: «Лурье на свои деньги» (25, 236, 453).

* Последний абзац приписан на полях.

³ Совет Достоевского последовал в ответном письме от 11 марта 1877 г.: «...не любя ни за что нельзя выйти. Но <...>, может быть, это один из тех людей, которых можно полюбить потом? Вот мой совет: от решительного слова уклоняйтесь до времени. <...> Но к человеку этому присмотритесь <...>. И после нескольких месяцев строгого анализа — решите дело в ту или в другую сторону. Жизнь же с человеком немилым или несимпатичным — это несчастье. <...> Не знаю почему, но мне бы самому, лично, хотелось, чтоб этот человек Вам понравился, так чтоб Вы вышли замуж!» (292⁴ 147).

Личная жизнь Г. И. Богрова сложилась неудачно: ранний и несчастливый брак, развод — все это нашло отражение в романе «Записки еврея». В описании библиотеки Достоевского указано отдельное издание романа (СПб., 1874), имевшегося в ней, — вероятно, экземпляр этот ранее принадлежал Лурье (см.: *Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому*. М.; Пг., 1923. С. 22). См. также примеч 4 к письму 2.

4

28—29 марта 1877 г. Минск

28-го марта. Минск

Многоуважаемый и добрый
Федор Михайлович!

Странно, что несколько недель прошло, а я все еще не ответила на Ваше проникнутое теплым чувством письмо;¹ а, между тем, мне хотелось, даже очень хотелось писать к Вам, но — я ждала развязки этой истории с доктором. 6 недель тому он уехал из Минска (был командирован куда-то), я этому была очень рада, но на днях мамаша получает письмо, где говорится о скором возвращении и о том... что, хотя у меня только 12 тыс<яч> приданого, а не 30 т<ысяч>, как у моей подруги, но он предпочитает меня; после этого я наотрез отказала мамаше, даже говорить о нем. Что же это в самом деле такое, ну а если у меня и совсем не будет приданого, что тогда?² Нет, он меня не понимает, и Бог с ним. Родители страшно сердились, и мамаша сказала, что таким образом будешь сидеть до седых волос, ну и пускай, а спешить мне незачем, да вообще меня гораздо больше занимает теперь Виктор Гюго, чем всякие женихи.

Почему Вы, Федор Михайлович, до сих пор не советовали мне читать Гюго. Я читаю его «Misérables» и положительно в восхищении. Его слова об аббате Myriel: «...son regard ne se fût pas détourné un seul instant de cette contemplation sereine où l'on voit rayonner distinctement, au dessus des fictions et des haines de ce monde, au dessus du va-et-vient orageux des choses humaines, ces trois pures lumières, la Vérité, la Justice et la Charité».*³

Если у Гюго нет той глубины философского ума, тех мировых истин, что у *Geme*,^a того пенящего остроумия, меткости и психологической верности, как у Шекспира, то нет у них, по-моему, тех прочувствованных, из души вылившихся мест, той любви и веры в

* «...его взор ни на мгновение не отрывался от безмятежного созерцания трех чистых светочей — Истины, Справедливости и Милосердия, — ярко сияющих над бурной житейской суетой» (пер. Д. Лившица. См.: *Гюго В. Собр. соч.*: В 6 т. М., 1988. Т. 2. С. 60).

^a *Было*: Гетевского Фауста

человечество, того горячего патриотического чувства, которыми проникнуто каждое его слово, которое имеет ^а такое оживляющее, воскресающее влияние на молодой ум.⁴ Или я ошибаюсь и оно мне так кажется? Ведь если любят, то преувеличивают, а я полюбила Гюго.

29-го марта. Письмо не было отослано, расскажу Вам забавный случай.⁶ Только что была в библиотеке. Входит барышня и, презрительно (не знаю, почему) оглядев всех, обращается к молодой девушке, которая раздает книги, записывает все, с вопросом: «Нет у Вас романов Белинского?»

— Таких романов нет.

(Барышня> презрительно улыбается).— А повестей Писарева?

— И этого нет.

— Наконец, романы Добролюбова есть же?

— Нет.

— Чтoб нельзя было достать ни одной путной книги!» И удалилась, а я, не mogши удержаться, хохотала, зачем непременно эти три имени!⁵

Коли до случаев, то их не оберешься, только не надоесть бы Вам? На днях встречаю молодого человека, знакомого. Обращаюсь к нему: «Я слышала, что Вы получаете много газет и жур<налов>. Нельзя ли достать у Вас „Дневник Писателя“.

— Такого Дневника нет, вы ошибаетесь, есть Варшавский дневник.⁶

— Да есть же, говорят Вам.

— А кто издает?

— Ф. М. Достоевский.

— Тот же?

— Да.

— Разве он из Сибири пишет?

— Из какой Сибири?

— Да его же сослали...»

А это один из лучших молодых людей у нас.⁷ Какая тоска с ними! Федор Михайлович! Ведь я Вас слушаюсь (а мамаша говорит, что никого), что мне с собой делать, скажите мне?!

Не готовиться ли к экзамену? Согласия родителей я никогда не получу и даже папаша говорит, что и средств не даст, да это глупость, я не знаю только, что из этого выйдет?⁸

На днях я должна быть представлена директору народных училищ, так как даю уроки (конечно, бесплатные и без ведома родных) в одном училище, а мои ученицы отлично учатся и успевают, я этому очень рада. У меня есть 25 (верно) бедных, где я бываю, помогаю, насколько возможно,⁹ но разве я виновата, что не так добра, чтоб это наполнило мою жизнь?

Я буду очень довольна, если Вы в своем «Дн<евнике> Пис<ателя>» помянете^в Гинденбурга, если Вам угодно, то поставьте всю его фамилию, для него еще больше чести, если больше людей будут о нем

^а Было: производит

^б Было: историю

^в Было: упомяните

знать, да и им не хуже, только, конечно, я тут ни при чем.¹⁰ О нем уже был отзыв а «Herold'e», это писал мой учитель немецкого языка.¹¹

Поздравляю Вас с праздниками, желаю Вам хорошо, весело и счастливо провести их, да не поздно ли прибудет мое письмо?¹² Да, все равно. Преданная Вам вся Ваша Софья Лурье, которая с нетерпением будет ждать ответа.¹³

На конверте: Его высокоблагородию
Федору Михайловичу Достоевскому
С.Петербург
Греческий проспект, возле Греческой церкви,
дом Струбинского, кв. № 6.

На конверте рукой Достоевского: «Лурье ответить <совет?>».¹⁴

Почтовые штемпели на обороте конверта: «31 марта Минск 1877», «1 апреля Минск 1877», «3 апреля С.-Петербург 1877».

На первой странице в левом верхнем углу цветная монограмма «S.L.».

¹ Это письмо Лурье является ответом на письмо Достоевского от 11 марта 1877 г., после получения которого прошло не более двух недель.

² В следующем, ответном письме от 17 апреля 1877 г. Достоевский пишет по поводу ее возмущения: «...насчет Вашего рассказа о 12 и 30 тысячах руб. приданого скажу лишь, что я не совсем понял причину Вашего гнева на жениха. Мне кажется, он лишь самым наглядным и простым образом выразил тем, что любит Вас больше денег <...> Впрочем, главное не в том, а в том: мил ли он Вам и по мыслям ли Вам или нет? Если нет, то, конечно, не выходите...» (292, 151).

³ Отвечая Лурье, Достоевский пишет: «...Вы очень хорошо сделали <...>, что полюбили фигуру l'abbé Myriel. Мне это ужасно понравилось с Вашей стороны» (292, 152). Попутно отметим, что цитата Лурье об аббате Мириэле, вырванная из контекста, указывает на не совсем точное истолкование ею этого образа. У Гюго Мириэль сложнее: «Было бы прекрасно, если бы монсеньор Бьенвеню не был роялистом и если бы его взор ни на мгновение не отрывался от безмятежного созерцания трех чистых светочей» и т.д. — по Гюго, взор аббата довольно часто отрывался от этого созерцания (см.: *Гюго В* Собр. соч.: В 6 т. М., 1988. Т. 2. С. 60).

⁴ «...вижу, что Вы еще очень молоды, — продолжает Достоевский в ответ на этот пассаж Лурье, — коли ставите его <Гюго> в параллель с Гете и Шекспиром» (292, 151). Несколько раньше в Записной тетради 1875—1876 гг. Достоевский сам сравнивал Гюго с Шекспиром: «У Виктора Гюго бездна страшных художественных ошибок, но зато то, что у него вышло без ошибок, равняется по высоте Шекспиру. Писатель не без таланта» (24, 119). Достоевский впервые прочел «Отверженных» в 1862 г. Публикуя в этом же году перевод его романа «Собор Парижской богоматери» (Время. 1862. № 9), в предисловии писатель весьма высоко оценил «Отверженных» как «роман, в котором великий поэт и гражданин высказал столько таланта, выразил основную мысль своей поэзии в такой художественной полноте, что весь свет облетело его произведение...» (20, 28; 274—275; см. также: *Фридлиндер Г. М.* Достоевский и мировая литература. Л., 1985. С. 176—197).

⁵ Описание этой сцены в библиотеке могло быть навеяно Лурье эпизодом из жизни Достоевского, схожим по ситуации, но полярным по содержанию, и приведенным в октябрьском выпуске «Дневника» (см.: 23, 141—142).

⁶ «Варшавский дневник» — официальная ежедневная газета (Варшава). С 1874 по 1879 г. ее редактором был Н. В. Берг (1823—1884). С 1879 по 1883 г. — Н. Н. Голицын (1836—1893) (в 1875 г. он опубликовал здесь вариант «Словаря русских писательниц»). Достоевский иногда получал эту газету (см.: 301, 141, 210).

⁷ В ответном письме Достоевского: «Вы пишете мне анекдоты про Ваших местных чудаков. Рассказал бы я Вам про чудаков, которые меня иногда посещают, и, уж конечно, удивил бы Вас» (292, 152).

⁸ «...Вы спрашиваете, — отвечает Достоевский, — что Вам делать при семейном разногласии, особенно по вопросу об экзамене? Мое бы мнение такое: не будьте с

родителями жестки, не идите слишком напролом <...> Вы должны быть снисходительны и сострадательны к ним *до последнего предела*. В этом настоящий подвиг человеколюбия, и нечего рваться куда-нибудь далеко за подвигом человеколюбия, тогда как он всего чаще у нас дома, перед глазами нашими. <...> про экзамены, конечно, решите чем-нибудь удобнее (и в свою пользу), если уничтожите жестокость отношений с Вашими родными и сойдется с ними. <...> скрепитесь на время, а там и опять в Петербург или Москву (где тоже есть курсы)» (292, 150—152).

⁹ См. примеч. 2 к письму 3.

¹⁰ Мартовский номер «Дневника» со статьей о Гинденбурге выйдет позже этого письма Лурье на несколько дней. В ответном письме к Лурье от 17 апреля 1877 г. Достоевский спрашивает: «...напечатал я о Гинденбурге по Вашему письму: не повредил ли Вам этим чем-нибудь в Вашем кругу? Сомнение это зародилось во мне только теперь. Когда я писал и печатал, в воображении моем были только Вы, а теперь думаю и про всю Вашу среду. Уведомьте меня, и если я чем-нибудь Вас огорчил или рассердил, то простите» (292, 150). Вероятно, эта публикация Достоевским письма Лурье (без указания адресата) никак не «повредила» ей — в следующем ее письме нет никаких сведений об этом.

¹¹ Речь идет о некрологе Гинденбурга, написанном и опубликованном в немецкой газете «Sankt-Petersbourger Hehold» за февраль 1877.

¹² Лурье поздравляет Достоевского с праздником Пасхи. В 1877 г. пасхальная неделя длилась с 27 марта по 2 апреля.

¹³ Достоевский ответил Лурье 17 апреля 1877 г.

¹⁴ В перечне «Помет Достоевского на письмах его корреспондентов» приведена другая запись: «Лурье. Ответить скорее» (302, 70). На конверте отчетливо читается: «совет», что и по содержанию ответного письма Достоевского является более уместным.

5

7 мая 1877 г. Минск

Минск 7-го мая.

Многоуважаемый и добрый
Федор Михайлович!

Вы не забываете меня, спасибо Вам, Федор Михайлович, а я... какая тоска! Господи! отчего мне нельзя делать, чего я хочу? М-те Корба, счастливая, она хотела уехать, уехала, выучилась, приехала и опять будет делать, что ей угодно.¹

У нас устроили подвижной лазарет, на средства нашего общества, здесь (чтобы подготовить знающих^а свое дело сестер милосердия) у нас читаются доктором Архангельским лекции.² Вчера я была у него, это мой знакомый, просила позволить слушать лекции, не давая, однако, обещания пойти в поход со всеми, дать это обещание я не могла, да и губернатор наш дал совет принимать не моложе 25-тилетних или уродов, и этот глупый совет принят; Архангельский отказал мне и совершенно прав, у нас есть 40 желающих ехать, а требуется всего 9 человек. Я теперь по целым дням шью рубахи, простыни и всякое белье для раненых и больных воинов, у нас собирают очень много пожертвований и все много дают, вчера по предложению папаши моего Коммерческий банк, членом которого папаша состоит, дал 100 р<ублей> и обязался платить по 2 коп<ейки> со 100 р<ублей> при всех операциях.

^а Было: уме<ющих?>

Я послушалась Вашего совета, Федор Михайлович: обещала целый год до будущего августа остаться в Минске, чем родители очень довольны и исполняют мои малейшие желания.³ Мне накупили платьев, шляп и разных финтифлюшек, мамаша заказала для меня в Москве бриллиантовую брошь, как будто это мне нужно, я никогда не ношу золота и никаких драгоценных вещей. Все, впрочем, устраивается самым выгодным для меня образом. Моя тетя живет в Москве, а старшая сестра тоже скоро выйдет замуж и там будет жить, так что мне очень легко будет посещать московские курсы, но до тех пор целый год жить в Минске, если б Вы знали, что это за убийственная вещь, а ведь у меня так много занятий, что не остается ни минуты свободного времени, однако тоска страшная, именно потому, что так мирно.

У меня есть все новые журналы за последние 2 месяца, я, впрочем, ничего, кроме Гюго, не читала; я учу наизусть его поэзию, а теперь читаю «*Avant l'exil*».* Что это за чудная книга! Как я люблю Гюго! Я не знаю, что бы я ему сказала, если б его встретила, вероятно ничего, точно так я думала, что скажу Вам, что я ужасно люблю Ваше «Преступление и наказание», однако ничего не сказала, а боялась, чтобы Вы не думали, что я Вам хочу польстить, а теперь я этого не боюсь, ведь Вас принято считать за психолога, благодаря Вашему «Раскольникову», и я могу быть спокойна.

Когда я писала Вам прошлое письмо, я прочла всего 2 тома его «*Misérables*». Теперь я согласна, что там много недостатков, но это не умаляет цену *Mugiel'y*, *Valjean'y*,⁴ только я не понимаю этой *Fantine*, разве действительно можно дойти до того? В самом начале «*L'exila*» я не понимаю в главе «*Le droit et la loi*»** смысла этих слов. Как Вам известно, он говорит, что Франция преобразится во всеобщечеловеческую страну, что она этого заслуживает, но пока еще этого нет. Et «*en attendant on lutte <...> D'un côté l'idéal, de l'autre l'incomplet. Avant d'aller plus loin, plaçons ici un mot, qui éclaire tout ce que nous allons dire, et qui va même au delà. La vie et le droit sont le même phénomène. Leur superposition est étroite.*»***

Из буквального перевода ничего не выходит; дальше: «*Qu'on jette les yeux sur les êtres créés, la quantité de droit est adéquate à la quantité de vie. De là, la grandeur de toutes les questions qui se rattachent à cette notion, le Droit.*»****

Не сердитесь, Федор Михайлович, что я обращаюсь к Вам с просьбами: посоветуйте мне, какую выписать газету. «Петербургские» Ведомости» у нас есть, но по моей просьбе папаша согласен выписать еще одну, думала выписать «*Herald*»⁵ тем более, что моя мамаша, зная хорошо немецкий, французский и польский

* «Перед изгнанием».

** «Право и закон».

*** «А пока идет борьба. На одной стороне сражается идеал, на другой — несовершенство. Перед тем, как двинуться дальше, скажем нечто, что разъяснит то, что мы собираемся сказать и даже сверх того. Жизнь и право — одно и то же. Их противоположение условно».

**** «Пусть бросят взгляд на тварей Божиих, сколько им отмерено жизни, столько отмерено и права. Отсюда значительность всех вопросов, связанных с этим понятием Права».

языки, совершенно не знает русского, но я конечно могу выписать, что мне угодно. Также не сердитесь, что я прямо к Вам присылаю деньги на подписку «Дневника писателя». Адрес: *Фаине Рабинович в Тельш Ковенской губернии*. Это моя кузина и она просит выписать для нее несколько журналов. 1-ое я ей присылаю «Дневник писателя» и обращаюсь прямо к Вам, потому что сама оставила деньги одному господину, а тот и не думал подписаться; также, что для нее за журнал выписать, «Вестник» Ев«ропы» слишком серьезен для них, я думаю лучшее это «Отеч«ественные» Записки»?

Я начала переводить Вашу Кроткую (мой любимый рассказ) ⁶ и если Вы ничего против этого не имеете, а то я постараюсь перевести лучше. Этот язык очень трудно дается для перевода, я прилагаю при этом начатый перевод, не кончила я первой главы, потому что не знаю, что Вы на это скажете.

Вы обещали прислать свой летний адрес, я его буду ждать с нетерпением,⁷ отправляя к Вам письмо, я всегда жду чисел, когда Вы, по моему расчету, меньше всего заняты.

Я должна скорее кончить письмо, а то я слышу папаша идет ко мне, он будет страшно сердит, если увидит, что я пишу в субботу.

Еще я Вам писала, что преподаю в одном училище, мои ученицы отлично успели, скоро у них экзамены, и я уверена, что директор народных училищ у нас г. Лялин останется вполне доволен моим классом. Я Вам хотела написать про дачу или, скорее, деревню, где мы будем летом жить, как там хорошо! Для меня будет седло и лошадь, я очень хорошо езжу верхом, потому что мы 3 месяца провели в Крыму, где я каждый день ездила верхом чуть не 30 верст. С нетерпением ждет ответа любящая Вас С. Лурье.⁸

Далее следует французский перевод Лурье начала первой главы «Кроткой».

La douce créature. Un recit phantastique par Th. M. Dostoievsky.
I. Moi et Elle.*

P.S. NB. Этот *Moi et Elle* я взяла из Жорж-Занда,⁹ полагаю, что это гораздо звучнее ^a (qui j'étais et qui elle était).**

На конверте: Его Благородию
Федору Михайловичу Достоевскому
С.-Петербург
Греческий проспект, возле Греческой церкви,
дом Струбинского, кв. № 6.

На конверте рукой Достоевского: «Лурье, последнее».

Почтовые штемпели на обороте конверта: «9 мая Минск 1877», «10 мая Минск 1877», «12 мая Петербург 1877».

На первой странице в левом верхнем углу цветная монограмма «S.L.».

¹ Анна Павловна Корба́ (1849—1939) — минская корреспондентка Достоевского, знакомая Лурье, ставшая впоследствии известной народоволкой. В апреле 1877 г. А. П. Корба уехала из Минска в Петербург «с тем, чтобы прослушать подготовитель-

^a Далее было: чем

* Кроткая. Фантастический рассказ Ф. М. Достоевского. I. Я и она (У Достоевского: Кто был я и кто была она. — С. И.).

** «Кто был я и кто была она» (франц.).

ные курсы, необходимые для звания сестры, но <...> курсы были переполнены». Получив «известие из Минска о том, что там открылось отделение Красного Креста с лазаретом для раненых <...>, вернулась в Минск, записалась на курсы и стала учиться всему <...>, окончила курс и получила диплом сестры милосердия» (см.: Автобиографии революционных деятелей русского социалистического движения 70—80-х гг. // Энциклопедический словарь Гранат. Б. г. Т. 40. Стб. 377). Осенью 1877 г. Корба выехала на фронт в качестве сестры милосердия. Публикацию писем А. П. Корба к Достоевскому и биографическую справку см. ниже.

² В «Автобиографии» Корба писала, вероятно, об Архангельском: «При военном госпитале <в Минске> был знающий и хороший хирург, который допускал нас присутствовать при операциях».

³ В письме от 17 апреля 1877 г. Достоевский советовал Лурье: «...нельзя ли Вам, во-1-х, стать с ними (родителями. — С. И.) мягче, а во-вторых, обещать им что-нибудь, но *не сейчас*, отзвываясь тем, что Вы еще молоды и что хоть год, а Вам надо еще побыть одной. <...> Но обещайте им что-нибудь непременно. Через год же много воды утечет» (292, 151).

⁴ «„Les Misérables“ я очень люблю сам, — писал Достоевский Лурье (17 апреля 1877 г.). — Они вышли в то время, когда вышло мое „Преступление и наказание“ (то есть они появились 2 года раньше). Покойник Ф. И. Тютчев, наш великий поэт, и многие тогда находили, что „Преступление и наказание“ несравненно выше „Misérables“. Но я спорил со всеми искренно <...>. Но любовь моя к „Misérables“ не мешает мне видеть их крупные недостатки. Прелестна фигура Вальжана...» (292, 151—152). См. также примеч. 4 к письму 4.

⁵ Немецкая газета «Sankt-Petersburger Herold».

⁶ Повесть Достоевского «Кроткая» составила ноябрьский номер «Дневника» за 1876 г. (24, 5—35). Уже через три месяца редактор французской газеты «Journal de St.-Pétersbourg» А. Горн сообщил Достоевскому, что один из его сотрудников перевел повесть «Кроткая» и просил разрешения напечатать перевод в своей газете, после того как писатель просмотрит его в корректуре и авторизует (письмо А. Горна от 23 марта 1877 г.). Об ответе Достоевского (от конца марта — начала апреля; не сохр.) дает представление письмо А. Горна от 9 июня 1877 г.: «Любезно разрешив мне опубликовать перевод <...>, Вы выразили желание получить специально отпечатанный для Вас экземпляр „Кроткой“. Я позволил себе отпечатать пятьдесят экземпляров, оставляю себе десяток и прошу Вас оказать мне любезность принять остальные и распорядиться ими по своему усмотрению» (см.: *Ланский Л.* Утраченные письма Достоевского // Вопросы литературы. 1971. № 11. С. 215, а также: 292, 318, 334). Перевод «Кроткой» на французский язык появился в «Journal de St.-Pétersbourg» в декабре 1877 г. Отзыв Достоевского на начало сделанного Лурье перевода «Кроткой» неизвестен; возможно, он содержался в ответном письме писателя от мая 1877 г. (не сохр. — 292, 318). Дальнейшая судьба этого перевода неизвестна.

⁷ «В середине мая я уеду из Петербурга в деревню, — писал Достоевский 17 апреля 1877 г., — но до того времени Вы мне, может быть, и напишете. Тогда я сообщу Вам и адрес мой (летний то есть)» (292, 152).

⁸ Достоевский ответил на это письмо Лурье во второй половине мая 1877 г. (до своего отъезда в Малый Прикол 21—22 мая; письмо не сохр. — 292, 318—319). По мнению Лурье, в этом ответе писателя «звучала натянутость, вежливость, нужно-де ответить» (см. ее следующее письмо от 14 июля 1877 г.); эта тональность ответа объясняется, вероятно, решением Достоевского прекратить дальнейшую переписку, что подтверждает его помета на конверте данного письма Лурье: «Лурье, последнее». Однако самым последним «не лестным» письмом писателя (из известных) станет его несохранившийся ответ от августа 1877 г. (292, 319—320). См. также примеч. 5 к письму 8.

⁹ Речь идет о романе Ж. Санд «Elle et Lui» («Она и он»), посвященном истории любви Ж. Санд и А. Мюссе и написанном ею почти одновременно с романом Поля Мюссе «Lui et Elle» («Он и она»). Не исключено, что Достоевский обыгрывал эти заглавия в названии главы «Кроткой» — «Кто был я и кто была она».

14 июля 1877 г. Минск

Минск 14-го июля

Многоуважаемый и добрый Федор Михайлович!

Странно, что во всех особенно важных для меня случаях я, не отдавая себе, впрочем, отчета почему, обращаюсь прямо к Вам.

Уже давно я не писала Вам, и знаете почему, Федор Михайлович? Во-первых, конечно, что не получила ответа на мое письмо,¹ а я к этому не привыкла; но все-таки я бы думала, авось письмо недавно получено и т.д., след<овательно>, не это главная причина, а то, что мне, решительно не знаю почему, показалось, что в Вашем последнем письме звучит натянутость, вежливость, нужно-де ответить,² а быть в тягость я не люблю.

Теперь у меня слишком важное дело, чтоб я обращала внимание на мелочи, Бог с ними. В Петербурге открываются женские курсы при университете, как я слышала, с октября месяца,³ я во что бы то ни стало хочу поступить на эти курсы; что меня добровольно отпустят из дому, это я очень хорошо знаю, но теперь меня беспокоит вопрос «какое право имею я жить на папашины деньги, не доставляя ему радостей, а только горе?» очевидно, никакого, хотя деньги мне будут выдаваться, так как, по словам папаши, его дочь не должна умирать с голоду, хоть бы он и оставлен ею. Я не хочу этого, не хочу у них ничего брать за исключением 15 р<ублей> в месяц, которые мамаша может, т.е. хочет, высылать, теперь вопрос в том, чем и как могу я сама зарабатывать по крайней мере еще 20 р<ублей> в месяц. Можете ли Вы мне что-нибудь посоветовать? Что я не смогу в Минске жить — это факт. Всю ночь я сегодня не спала, взвешивая все. В Минске у родителей я живу богато, хорошо, могу выйти замуж за богатого человека и жить, как говорится, припеваючи. Но что же из того? Теперь у меня есть все, что я могу желать, у нас новая, прекрасно отделанная квартира в 13 комнат, у меня богатые платья, мне обещана поездка в Париж на всемирную выставку, у меня даже есть всевозможные книги, газеты, рояль прекрасный, учитель музыки, учителя языков, я могу посещать театр, клуб и тем не менее мне все это противно, я хочу чем-нибудь быть, я знаю, что не легко себе зарабатывать хлеб. Привыкшая к довольству, независимости девушка не помирится с долей какой-нибудь учительницы, но тем не менее я согласна на все, лишь бы не быть в Минске, согласна хоть стирать, лишь бы я могла посещать при этом курсы и не была бы в Минске. Ах, как он противен! У нас нет ни одного порядочного знакомого, все молодые люди это осел на осле и ослом погоняет, с русским обществом мы не знакомы, я первая не хочу и не могу с ними вдруг сойтись, да и те еще хуже, кажется, за исключением нескольких, да они жидов ненавидят, и я, конечно, не сделаю им этого удовольствия за одно с ними ругать жидов.

Вообще я прошу Вас, роль просительницы для меня нова, но к Вам я не стыжусь обратиться, если можете мне посоветовать или до-

стать работу, то я приеду, если узнаю, что курсы открылись и по-ступлю, 35 р<ублей> я думаю достаточно, чтоб прожить как-нибудь.

Ведь Вы мне тотчас ответите, не правда ли? ⁴ Я надеюсь на Вас и потому пишу, вот и все.

От уважающей Вас Софьи Лурье.

Посылаю 5 р<ублей>: прошу один экземпляр «Днев<ника> Пис<ателя>» высылать по адресу: Фаине Рабинович в Тельше (Ковенской губ<ернии>), а другой: Софье Ефимовне Лурье, в г. Минске.

Да, одна еврейская девушка высшего круга, очень богатая, убежала ночью в монастырь и сегодня принимает православие. Ее родители в отчаянии, отец, говорят, хотел зарезаться, дед получил удар, говорят, что он умирает или умрет скоро, она влюбилась в какого-то писаря, исключенного из 4-го класса гимназии, глупого, необразованного, но чрезвычайно красивого и изящного господина. Замуж она кажется не выходит за него, а остается пока в монастыре. Мне ее ужасно жаль, так как этот г. Валицкий ужасный шарлатан, а она, вероятно, будет несчастна.

Денег не послала, это возня, надо <застраховывать?> и поручать приказчику, а я этого теперь не могу.*⁵

Печатается по подлиннику: РГБ (б. ГБЛ), ф. 93.И.6.31.

Год устанавливается по содержанию письма.

¹ Речь идет о письме Лурье (не сохр.) от конца мая — начала июня 1877 г. — ответном на письмо Достоевского от второй половины мая 1877 г. (не сохр. 292, 318—319).²

Этим «последним» письмом (292, 318—319) Достоевский, по всей вероятности, решил прекратить переписку с Лурье (см. помету на конверте ее письма от 7 мая 1877 г.: «Лурье, последнее»); еще одно подтверждение тому — «натянутый и вежливый стиль письма».

³ Вероятно, Лурье имеет в виду Высшие женские (Бестужевские) курсы. Официально они открылись в 1878 г. Однако уже в марте 1877 г. Достоевский обратился к одной из учредительниц А. П. Философовой помочь «поместить» на уже начавшиеся курсы одну из своих корреспонденток А. Ф. Герасимову (292, 144—145, 284).

⁴ Достоевский ответил в августе 1877 г. (не сохр. 292, 319—320).

⁵ Вероятно, журнал был выслан, так как в ответном письме Достоевский упрекал Лурье в неполучении денег (см. след. 7-е письмо Лурье).

7

2 сентября 1877 г. Минск

Милый, многоуважаемый
Федор Михайлович!

Наконец я собралась ответить на Ваше далеко не лестное для меня письмо,¹ оно произвело на меня ужасное впечатление, я так много плакала: то я была в отчаянии, что я гадкая, гадкая, то напротив уверена была, что я хорошая, даже очень хорошая; но это детское горе не долго продолжалось, страшная действительность заставила позабыть о резком самобичевании, о гордости, не дававшей

* Абзац приписан на полях.

мне покою, как мне, мне это говорить! Теперь мне не трудно будет рассказать, в чем дело, раньше же это было для меня невозможно.

Мы жили в деревне. К нам приехала гостить молоденькая и хорошенькая кузина. Было уже около часа ночи, ночи темной, но теплой и прекрасной. Мы спали в одной комнате. Не знаю, почему я не могла уснуть, обращаюсь к ней, — не хочешь ли погулять, Соня? (У нас дают имя по умершим, и мы прозваны по нашей общей прабабушке). Мигом, чтобы не беспокоить людей, мы взяли простыню, я спустилась в сад, как знакомая с местностью, отыскала стоящую возле лестницу, она по ней сошла, мы отправились в конюшню, разбудили кучера, послали его за сыном помещика, у которого наняли дачу, Головача, и за моим двоюродным братом, те тотчас пришли, нам дали какие-то полушубки, и мы отправились гулять, затем залезли в какое-то болото, едва нас вытащили, но вот я, шедшая под руку с молодым Головачом, придумала теперь непременно качаться, моя кузина противилась, ей будто от этого тошнит, наконец согласилась, и мы направились к качели. Качель построена в ужасно густой липовой аллее. где днем темно, не то что ночью, и я с Эдуардом Игнатьичем (имя человека) стали, чтоб раскачивать их, как моя кузина отказывается качаться. Она остается сидеть, а я страшно высоко качаюсь, вдруг, я не знаю, что ее дернуло перебежать дорогу; мы ее движений не видели, по темноте, так же, как и она наши, вдруг страшный крик, но удержать качель нет возможности, крик еще страшнейший, мы соскакиваем на лету с качели, подходим иль бежим к тому месту, где раздается крик, там сидит кузина моя и быстро разбрасывает прическу, на вопрос, что случилось, отвечает, что она хотела перебежать дорогу и попробовать собрать в темноте крышечник, но качель ударила ее по голове и опрокинула, впрочем, ей не очень больно, просила меня не беспокоиться, так как она часто падает совсем с качели, но что это ничего. Посидели мы еще, затем тем же способом возвратились^a обратно в дом, улеглись, но Соня говорит, что у нее голова ужасно болит, к утру, вероятно, пройдет, я ей приложила холодную воду, потом я легла и сейчас же уснула. Вдруг я слышу, кто-то говорит, но совершенно неизвестным голосом. Я сейчас соскочила, зажгла свечку и вижу моя кузина в страшном бреду, говорит она со своим отцом, говорит кому-то, что любит его, а кого-то терпеть не может. Я разбудила горничную, написала записочку к доктору и послала человека верхом; было уже совсем светло, когда я возвратилась, она меня не узнавала. Можете себе представить мое положение, одна мысль, что она милая, молоденькая умрет и еще по моей милости, сводила меня с ума. До приезда доктора ничего не изменилось, он приехал в 10 часов. Доктор осмотрел ее, сказал, что пока это нервная горячка, а может быть, и воспаление мозга, во всяком случае это очень опасная вещь, и что если она останется жива, то будет помешанная или идиотка. Я твердила нет, неправда, не может быть, не может быть. При взгляде на ее бледное личико, на страдание, выражавшееся в прекрасных глазах, всякому стало бы ужасно больно и жаль ее, не то что мне. Я

^a Было: зашли

была в полном отчаянии, не отходила ни на минуту, при мысли, что она умрет, я все думала, что так как я уже жить не могу, то уйду в монастырь, но ведь у нас нет монастырей, ну так сделаюсь на всю свою жизнь сестрой милосердия, но что думать обо мне, когда она умирает, и жизнью не могу купить ее жизнь.

Наконец на 3-ью ночь ^а около 3-х часов я лежала на земле возле нее, положив к ней на постель голову, она бредила опять о своем папаше, о Рудермане, студенте Бреславльского университета, говорила с ними: «Komm' her, ich liebe dich, Heinrich, du sollst hier bleiben».* Я встала, приложила ей под руку термометр, чтоб знать, какого ^б градуса жар, как вдруг она совершенно тихо заговорила; я страшно зарыдала, мне почему-то показалось, что она умирает, но она открыла глаза и сказала: «Сара! Рудерман и папаша приехали?

— Нет, дорогая.

— Так я спать хочу».

Я уснула в ту же минуту, в том же положении, в первый раз после того вечера безмятежным сном уснула. Часа через 3 я встала, а она еще нет, вышла, села возле той комнаты, чтоб никто не мешал ей, потом она проснулась, была очень слаба, но узнавала всех, скоро приехал доктор, прописал что-то и велел завтра в 5 часов взять ее в город. Этот день она все лежала с закрытыми глазами, в 5 часов утра я ее ^в увезла в город, пригласила на следующий день нескольких лучших докторов, она скоро стала поправляться и теперь, или лучше еще неделю тому назад, она уже была совсем здорова.

Не знаю, что со мной сделалось потом, но я до того хотела сделаться сестрой милосердия, что это сделалось моей «idée fixe». Ночью, днем, мне постоянно казалось, что люди смотрят на меня с презрением за то, что не сестра милосердия. Я совершенно забыла, что евреек не принимают (как это дико!), но я не могла забыть, что дала папаше слово и ждала его приезда, чтоб взять его обратно, я уже было пошла к m-me Корба, как к старшей сестре милосердия,² но там на дворе встретила жену доктора Лидема, ушедшего вместе с нашей дивизией за Дунай, и от нее узнала, что верно евреек не принимают. Не желая прямо в лицо получить отказ, я пошла домой, поиграла на фортепиано, почитала — и странно! — я уснула перед обедом, спала до вечера и встала совершенно спокойная: «они не хотят и не надо». Только назавтра я вспомнила, что не виноваты же бедные раненые, которым так нужна помощь.

Извините, милый Федор Михайлович, что я так распространяюсь, но на меня нашел такой стих, а ведь это не часто с человеком случается.

Благодарю за предупредительность. Не спешила деньгами потому, что думала, для Вас безразлично будет получить 5 р<ублей> неделей раньше или позже.³

Теперь о Вашем письме, я уже могу совершенно спокойно говорить о нем. Во-первых, Ваша резкость ничем не мотивирована. Я

^а Было: день

^б Было: сколько

^в Было: с ней

* «Подойди сюда, я люблю тебя, Генрих, побудь здесь» (нем.).

с жиру бешусь. Почему Вы это думаете? Потому что я не пишу причину, заставившую меня желать во что бы то ни стало уехать из дому, а я ее не пишу по причине моей гордости, я не хочу жаловаться, да и вообще каждый желает быть — lieber beneidet als bemitleidet,* но Вы меня вынуждаете, так знайте, что у меня есть очень веские причины, из-за которых я терпеть не могу своего дома, хотя ужасно люблю каждого члена отделинно и в особенности папашу, он очень честный человек, но его никогда нет дома, да и некогда ему, сойтись же с кем-нибудь в доме нет человеческой возможности, мечта родителей выдать меня за богача никогда не осуществится, дело в том, что им решительно все равно, кто бы он ни был; я терпеть не могу этого общества, где постоянно только играют в карты, я не дружна ни с одной девушкой высшего еврейского круга, никогда к ним не хожу, а когда они приходят ко мне, то мне всегда скучно, впрочем, это все мелочь, говорить об этом не стоит. Можно себе составить внутренний мир и довольствоваться этим. Я так и сделала. Я сама много читаю, занимаюсь, и вдруг Вы мне пишете, что я не развита и^а Я это отрицаю, во всяком случае я развитее большого числа студентов, с которыми мне пришлось встречаться, конечно развитие понятие относительное, и я вовсе не говорю, что мне не нужно еще развиваться и развиваться, но чтоб я была абсолютно не развита, я совершенно отрицаю.

Вы это заключаете из двух книжек, которые Вы мне дали читать «и которые или вовсе не произвели на меня впечатление, или — недостаточное». Помнится я взяла у Вас «Записки Екатерины» и «Европу и Россию» Данилевского.⁴ Записки Екатерины были для меня вещью не новой, я читала «Die Kaiserin Katharina die II»** Иоганна Шерра, да и еще множество вещей, относящихся к эпохе Екатерины, все что касается характера Екатерины, тогдашнего управления России, Елизаветы Петровны и других личностей, имевших влияние на судьбу русского народа, я очень хорошо сохранила в памяти, что же касается до книги Данилевского, то та произвела на меня очень сильное впечатление, говорить Вам об этом для меня было невозможно.

Представьте себе, что я в первый раз в жизни слышала и читала что-нибудь подобное, Европа была с детства моим идеалом, я верила в силы, в могущество русских, но учиться они должны у Европы, и что же? Вы мне даете «Россию и Европу», где гнилой Запад признается ни на что не годным, и я не могла сразу поверить ему и вдруг переменить весь свой образ мыслей. Я долго и очень много думала об этой книге, говорить Вам об этом было лишнее, так как я знала раньше Ваш ответ. Не верить Вам я бы не могла, так как Вас очень уважала, конечно могла бы думать, что и Вы ошибаетесь, но мне нужно было обойтись без посторонней помощи, и вот отчего на Ваш вопрос, как мне нравятся Данилевский, я ничего не ответила. Что касается Вашего уважения, то я об этом не беспокоюсь, так как я всегда и всюду буду достойна уважения всех хороших и меня зна-

^а Далее было: необра<зованна>

* «охотнее в положении, вызывающём зависть, нежели сострадание» (нем.).

** «Императрица Екатерина II» (нем.).

ющих людей, жаль, что я не могу сослаться ни на одного общего знакомого. Может быть, вы познакомитесь с «Минским», пишет в «Вестнике Евр<опы>» стихи, он очень умный господин, он еврей, его фамилия Виленкин.⁵ Он целое лето пробыл в Минске, и я с ним очень хорошо знакома. Он влюблен (так мне кажется) в одну гостившую здесь консерваторку Сервинт, в девушку редкой, замечательной красоты и обладающей отличным голосом, и мне его жаль, между прочим, я получила след<ующие> стихи:

Впервые кто-то море увидал
И молвил: «Как опасны эти воды!
Сколько в них водоворотов, скал!
Нам море — враг. В час мрачной непогоды
Несет нам смерть его сердитый вал!».
То слыша, житель отвечал прибрежный:
«Молчи! На дне прекрасных этих вод
Сокрыт янтарь, коралл и жемчуг нежный,
Кому не страшен моря вид мятежный,
Тому оно дары свои дает».

Извините, Федор Михайлович, что взяла бумагу моей сестры,⁶ я думаю, что беда не большая и Вы меня извините.

Я теперь буду очень много заниматься и в будущем году верно поступлю, что касается до денег, то мне стыдно, что я о них так много говорила, да, наконец, у меня самой есть какие-то деньги, оставленные мне дедушкой. Что значит, Федор Михайлович, что я жить не умею? Как это учатся жить? Теперь я за границу не могу поехать, но в будущем году верно поеду на выставку в Париже.

От уважающей Вас Софьи Лурье, которая будет ждать Вашего ответа.⁷

На конверте: Заказное

Федору Михайловичу Достоевскому

С.-Петербург

Греческий проспект, возле Греческой церкви,

дом Струбинского, кв. 6.

На конверте монограмма «S.L.»

Почтовые штемпели на обороте конверта: «2 сентября Минск 1877», «3 сентября Минск 1877».

На первой странице в левом верхнем углу монограмма «OLGA».

¹ В «Списке несохранившихся и найденных писем» это письмо Достоевского датируется концом августа 1877 г. (292, 319). Скорее всего, оно было написано в первой половине августа, так как Лурье здесь повествует о длительной болезни кузины, помешавшей ей сразу ответить на его письмо.

² См. ниже биогр. справку о А. П. Корбе к публикации ее писем к Достоевскому. Письмо 5, примеч. 1, 2 — есть тоже о ней.

³ По просьбе Лурье, Достоевский, вероятно, выслал ей «Дневник писателя». См. примеч. 5 к письму 6.

⁴ «Записки Екатерины II, императрицы России» (London, 1859); *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. СПб., 1871. (отд. изд.); труд Данилевского произвел глубокое впечатление на Достоевского (см.: 291, 30, 46, 115; 26, 401).

⁵ Николай Максимович Минский (наст. фам. Виленкин) (1855—1937) — поэт. Начал печататься в 1876 г. С 1877 г. сотрудничал в «Вестнике Европы».

⁶ На первой странице письма в левом верхнем углу монограмма «OLGA».

⁷ Достоевский не ответил Лурье.

Между 6 и 28 ноября 1877 г. Рига

Многоуважаемый Федор Михайлович!

Не получила я ответа на мое последнее письмо,¹ но Бог с Вами, Федор Михайлович! Я не хочу, чтобы переписка наша так кончилась, я хочу поблагодарить Вас за участие, за помощь, которую Вы мне оказали. Я не просила Вас больше о руководстве, да и зачем? Минск слишком далек от Петербурга и трудно кем-нибудь руководить, да еще труднее слушаться. Благодарю Вас, Федор Михайлович, за доброту; я знаю, Вы были обо мне хорошего мнения, но теперь разочаровались, так как из меня ничего не вышло, а я не отчаиваюсь, я докажу Вам со временем,² что первоначальное мнение было настоящее, так мне по крайней мере кажется.

Но разве последний год, проведенный в Минске, прошел для меня бесполезно? Во-первых, я жила в среде, из которой вынесла много практических сведений (о которых не имела понятия), этот год научил меня если не быть по-волчьи (о как это трудно!), то по крайней мере понимать и уважать и людей противоположных мнений, а не презирать их поголовно, как было прежде; затем я хорошо изучила немецкий язык и в оригинале хорошо познакомилась со всеми немецкими классиками, пользу за этот год я тоже принесла сильную: занималась с бедными ученицами в училище для бедных, помогала где и насколько могла, это все мало, я знаю, но большего я ничего не могла сделать, я хотела быть сестрой милосердия, да и что же? Уже слишком я об этом говорила, будет.

Как видите, я Вам пишу из Риги, где останусь еще дней 10. Вчера я была в Gewerb-Verein,* род клуба, было чтение или лекция доктора Ehrlich'a о «Die Macht der Kunst».** Было страшно много слушателей, и мне его чтение очень понравилось, так как я совершенно согласна с ним, что искусство, поэзия необходимы в жизни, они^а человека отличают от животного. Я слышала Градовского «Значение идеала в общественной жизни», Боборыкина «о Zolâ, или О натуральной школе»³ (которую я ненавижу), еще Островского, Потехина слышала, но никто на меня не произвел ровно никакого впечатления, они стараются говорить как можно мудренее и потому оно не идет в душу, а тот говорил простым немецким языком тихо и задушевно.

Мне пришло в голову ехать учиться за границу, в Париж, Цюрих или Берн, по всей вероятности, я так и сделаю, но пока при нынешнем курсе оно невозможно, теперь поеду, учиться буду дома, а тогда... ведь взяли Карс, скоро возьмут Эрзерум, там Плевну, дойдут до Андрианополя и до... Константинополя, тогда русскому подданному смело можно ехать за границу, смело и гордо можно будет всем смотреть в глаза! Я себе представляю, как Вы теперь довольны и счастливы, наши солдатики храбры и неустрашимы, мне это турок сказал, 5 пленных турецких офицер-майоров живут в том же

^а Далее было: делают жизнь

* «Общество ремесел» (нем.).

** «Сила искусства» (нем.).

<коридоре?> гостиницы «Hôtel du Commerce», где и мы, и я сказала одному (он знает несколько по-французски), что Карс взят, он не верит, но говорит Плевну и Османа ⁴ наши jamais, jamais. Nous verrons,* — сказала я.

Я думала написать маленькое письмо, а вышло такое большое, право странно, я к Вам пишу, будто исповедываюсь, но ведь это в последний раз, и Вы не будете сердиться.⁵

Прощайте, Федор Михайлович, будьте здоровы (я была нездорова и знаю, как это гадко) и счастливы, я Вам напишу, когда буду чем-нибудь, во всяком случае, если, сохрани Боже, я буду в Минске, никогда не буду писать Вам.

Сегодня я взяла ложу в театре на сегодня и пятницу, дают «Faust» Goethe, не оперу, а трагедию, в пятницу продолжение; в первый раз на сцене поставлена будет 2 часть Фауста. Сейчас же я принимаюсь за Фауста, чтоб успеть до театра прочесть первую часть, как я люблю его и Фауста, и Goethe, и как я счастлива, что попала теперь в Ригу. Говорят, что здесь отличная драматическая труппа и в особенности некто Н. Göbel отлично играет, он и будет Фаустом, а Мефистофелем Н. Preller.

От души преданная Вам

Софья Лурье.

Письмо датируется по содержанию: крепость Карс капитулировала 6(18) ноября, Плевна — 28 ноября (10 декабря) 1877 г.; письмо написано в промежутке между этими событиями.

¹ Речь идет о письме Лурье от 2 сентября 1877 г.

² Нет никаких сведений о дальнейших попытках Лурье возобновить отношения с Достоевским.

³ Александр Дмитриевич Градовский (1841—1889) — историк государственного права, публицист. Одно из его воззрений о неразвитости общественных идеалов русского народа, прозвучавшее, вероятно, и на лекции, о которой пишет Лурье, позже обрело наиболее отчетливую форму в его резкой критике Пушкинской речи Достоевского. Известная полемика между ними, продолжавшаяся среди прочего и эту тему, стала заметным явлением в идейной жизни России 80-х гг. (см.: 26, 174, а также: Русские писатели: Биографический словарь. 1800—1917. М., 1992. Т. 2. С. 8—9).

Петр Дмитриевич Боборыкин (1836—1921) — прозаик. В середине 70-х гг. обращается к изучению натурализма. В марте 1876 г. читает лекции о новом французском романе в петербургском Клубе художников (опубл. под названием: Реальный роман во Франции // Отечественные записки. 1876. № 6—7). Не исключено, что Лурье побывала на одной из этих лекций. Хотя, возможно, что подобные чтения могли быть и в Риге в ноябре 1877 г. В любом случае, Лурье слушала одну из первых лекций Боборыкина в его пропаганде натурализма и «золаизма» в России (см.: Русские писатели: Биографический словарь. 1800—1917. М., 1989. Т. 1. С. 288).

⁴ Осман-паша — командующий турецкой Западнодунайской армии, оборонявшей Плевну.

⁵ Не исключено, что обращение Достоевского в декабрьском выпуске «Дневника» 1877 г. адресовано Лурье: «корреспондентов из Минска <...> особенно прошу извинить меня, что так замедлил им ответить <...>. Пусть не сгущут и пусть подождут на мне» (26, 127); ответ писателя на это письмо Лурье неизвестен.

* «Никогда, никогда». «Посмотрим» (франц.).

9 ноября 1876 г. Минск

9 ноября 1876 г.

Милостивый государь
Федор Михайлович.

Позволяю себе препроводить Вам статеечку, написанную мною, частью до, частью после прочтения последнего № Вашего Дневника.¹ Очень вероятно, что она не может иметь значения в глазах других; для меня это — выражение сильных, до того не испытанных чувств. Меня всегда разбирала некоторого рода зависть или ревность, когда я встречала в ком-нибудь большую, искреннюю любовь к народу. Сама я не могла его любить, как того желала, потому что совершенно не знала его. Я решалась изучить его непосредственно в его жизни, но, так как не все то истинно, чего желаешь, приходилось откладывать свое намерение, и вдруг!.. но эти новые чувства Вы найдете выраженными в последних строках заметки.

Вы скажете: «Зачем мне-то все это знать!». Видите, я немножко маниак; вывожу я это из того, что вся моя жизнь складывалась так, что я не должна была бы иметь ничего общего с русской литературой; меня даже русскому языку не учили, или почти не учили. А между тем на свете есть только одна вещь, которую я до безумия люблю, это русская литература, есть только одна цель, к которой я стремлюсь, это — сделаться русским писателем. Вы же так добры, так жалостливы, что легко поймете, какими чувствами, какими страданиями я бываю подчас обуреваема, живя среди людей, для которых не существует <моя жизнь?> * и вы поймете тоже, какое невыносимое желание у меня должно быть поделиться мыслями. Отбросив гордость, я скажу прямо, что я жду от Вас помощи, не имея на то права; разве только право страждущего стонать от боли; а у меня в течение долгих лет наболела душа, и если теперь я решилась беспокоить Вас своими стонами, то потому что знаю, что лучшего врача не найду.

Если вышесказанное возбудило в Вас малейший интерес, пришлите мне несколько одобрительных слов и разрешите навестить Вас в конце нынешнего м<еся>ца, когда я думаю вынырнуть из глуши и побывать в Петербурге.²

С истинным к Вам уважением А. Корба
Адрес. Минск. Анне Павловне Корбе.

* Текст испорчен.

Давно известна истина, что мы, так называемые интеллигентные люди, не слышим-то много знаем, но менее всего мы знаем русский народ. Мы всегда видели темные стороны его существования: горькое пьянство, страшную, чуть не баснословную бедность, равнодушие ко всему окружающему и круглое незнание, и говорили: Куда идет этот народ? что же будет далее? народ этот погибнет от нищеты и невежества,³ как погибают растения от недостатка питания и света!

Были между нами и такие личности, которые соединяли с незнанием многого другого незнание русской истории; эти последние боялись, станет ли народ защищаться с достаточной энергией в случае нашествия неприятеля; не предпочтет ли мужик сидеть за печкой, вместо того, чтобы проливать кровь свою за отечество...

Особенно громки стали эти опасения со времени франко-прусской войны, когда французские крестьяне выказали пример самого жалкого отношения к родине, прячась при появлении своих отрядов, дабы избавиться от необходимости их угощать, и радушно принимая немцев, с тем, чтобы втридорога продать им съестные запасы...

Да и откуда простолюдинам взять любовь к родине! плакались мы, кто учил их этой любви! как могут они знать о великом значении солидарности атомов политического организма? Что знает народ о России кроме того, что она непрерывно поглощает все его заработки, отдаваемые ей в виде податей или в виде благодарностей ее чиновникам!

Наш идеал это был Запад, наша гувернантка была Европа, настоящая, чопорная и презлющая-таки гувернантка! Мы перенимали ее познания, ее манеры, ее взгляды на вещи и сами считали себя вполне объевропеившимися, не замечая того, что мы нет-нет и выкинем совсем не европейскую штуку. Например, мы не убиваем из принципа своих жен, изменивших нам и променявших нас на любовников; выплавав свое горе, мы возьмем и простим от глубины души обиду. Мы не трясемся над собственностью, мы не жадны к деньгам, это проявляется в всегдашней нашей готовности помогать ближнему чем Бог послал; это проявляется в равнодушии, с которым мы наживаем и теряем состояние. В последнее время нас немало упрекали в страсти к наживе, и действительно многое множество из нас запятнали свое имя и свои руки самыми грязными лихоимными делами; однако при суждении об этой страсти не надо упускать из виду одной ее черты: люди увлекались именно легкостью наживы. Скрытый смысл этого увлечения был таков: коптеть над добыванием богатства не стоит, черт с ним совсем! Всю жизнь потратить, копивши грош за грошем, для того, чтобы под старость жить в роскоши, нет! за это покорно благодарю! но вот представляется случай нажать большие деньги; так сказать, клад дается в руки: банки обязательно предлагают громадный оборотный капитал; надо быть дураком, чтобы не воспользоваться обстоятельствами. Есть предприятия, дающие 50, 60, чуть ли не сто % %. Начинаются выкладки и расчеты, по которым оказывается, что после трех, четырех лет выгодных операций банковая ссуда будет погашена, и в кармане предпринимателя останется значительный капитал.

Помимо плутов, заранее готовящихся к мошенническим проделкам, так рассуждали люди, наивные до ребячества, воображавшие, что торговля и промышленность — плевое дело, т.е. не требующее ни познаний, ни опытности, и жестоко платились за такое недоразумение...⁴ Обсуждая на досуге свои поступки и находя в себе, наряду со многими грехами, хорошие качества, мы приписывали их образованности, просвещению и тонкому европейскому воспитанию.

А народ между тем трудился над своей повседневной, тяжелой работой и, казалось, ни о чем другом не помышлял. Настало лето 1876 г., неизгладимое из памяти русских; ужасное своими бедствиями, пролитое славянскую кровью, но неоченимое той любовью к славянам, которая ключом забила из неведомой глубины русских сердец! Силою своею эта любовь прекратит ужасы и несчастья, залечит раны, нанесенные рукою варвара, сотрет слезы с лиц страдалцев и оставит в сердцах спасающих и спасаемых, в сердцах всех людей славянского племени лучезарный след, ясное и отрадное чувство!

Когда раздались вопли отчаяния в южнославянских землях, единокорный, неурдержимый порыв увлек русский народ нести свою жизнь, свои деньги на защиту истребляемых и мучимых братьев.

В нас самих, интеллигентных людях, кипела буря, мы сами рвались на спасенье славян, но пока не верили в возможность самостоятельного, ясно выраженного движения народа. Факты убедили нас в том. Отцы покидали свои семейства на неизбежную почти нужду и шли умирать за святое дело, родители посылали своих сынов, и не одного, а двух, трех на семейство; отец, отправлявшийся сам, вел с собой 7 человек сыновей; другой из Сибири шел с малолетней дочерью, будучи уверен, что найдутся добрые люди, которые оставят при себе его ребенка, пока он, отец, будет сражаться за Христово дело.⁵ Везде, где существовали Славянские комитеты, они осаждали толпами людей простого звания, Бога ради умолявших отправить их на войну против турок, мужчин для того, чтобы драться, женщин исполнять³ обязанности сиделок или прислуги при больницах.

Мы воочию увидели подвиги человеколюбия и самоотвержения народа. Как описать чувства, овладевшие нами! Опасения рассеялись как туман перед золотым лучом солнца! Не погряз народ в своей безысходной нужде, не измелчал он, не стал корыстолюбив и не забыл великого значения России!⁶ Для него не существовали призраки, осаждавшие наш больной ум в последние годы. Народ велик душою! им руководят высочайшие идеалы. Напрасно стали бы мы искать в сокровищнице наших⁶ нравственных принципов, мы не найдем ничего выше той беспредельной любви к ближнему, того увлечения идеей справедливости, того забвения собственных несчастий перед сильнейшими несчастьями ближнего, выказанных нам русским народом! Ему дорога не только судьба родины, но всей славянской земли, это он доказал, назвав славян «своими», спеша к ним на выручку, при крике: «наших бьют!» — вот чувства, наполнившие на-

⁴ Было: поступить

⁶ Было: собственных

ши души. Покровительственные отношения к народу рушились и с ними книжная и несколько деланная любовь наша. Ее заменила более сильная, возвышающая дух, любовь равного к равному, да, равному нам по высоте идеалов!

Еще одно отрадное чувство доставило нам настоящее движение; оно доказало нам, что мы шли с народом не по различным направлениям. Мы просто не знали топографии местности, по которой пролегли обе дороги, и потому опасались, что расходятся более и более; и что же! В данный день и час и народ, и мы очутились в виду славянского вопроса; и народу и нам пришлось сделать всего один шаг, чтобы протянуть славянам руки. Этого не могло случиться, не будь мы так близки друг другу. Сознание этой близости открыло нам глаза и на другой вопрос: наши лучшие качества (если только они в нас есть): великодушные, самоотвержение, незлобивость, бескорыстие не плод воспитания только, это национальные черты, наследие отцов, которое мы делим с народом, со всем славянским племенем!

И вот кончилась, хотя и мнимая, но все-таки рознь! Наш класс, отделившийся от народа, потому что не знал его или перестал его знать, воссоединяется с ним. Среди сборов и приготовлений к войне за освобождение славян на Руси ныне стоит праздник, святое торжество примирения братьев! Плача, мы протягиваем народу руки, моля принять нас вновь в лоно великой семьи русской. И слышатся приветливые слова: «Бог с вами, да мы и не думали толкать вас от себя, вы сами того, маненько отворачивались; ну да кто старое помянет, тому глаз вон! Станем отныне жить, как подобает добрым братьям».

Еще бы не плакать от радости, еще бы сердцу не биться безумно и не трепетать, когда сразу обрелись 86 миллионов единокровных и единоутробных братьев и сестер!

На конверте:

С.-Петербург

Его высокоблагородию

Федору Михайловичу Достоевскому

Греческий проспект, подле Греческой
церкви, дом Струбинского кв. № 6.

Почтовые штемпели: «10 ноября Минск 1876», «11 ноября Минск 1876», «12 ноября Петербург 1876».

На конверте цветная монограмма «А. С.»

Частично опубликовано: Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1935. С. 52, а также: Ланский Л. Утраченные письма Достоевского // Вопросы литературы. 1971. № 11. С. 216; 22, 312.

Анна Павловна Корба (урожд. Мейнгард, во втором браке Прибылёва) (1849—1939) — начинающая писательница из Минска, получившая впоследствии известность как народоволка, член Исполнительного комитета «Народной воли», участница покушений на Александра II. Родилась в Твери, в семье инженера путей сообщения, немца по происхождению (дед Корба Адольф Мейнгард, музыкант, прибыл в Россию в начале прошлого столетия, в 20—30-е гг. считался лучшим виолончелистом в Петербурге). В 1869 г., выйдя замуж за финансового служащего, переехала в Петербург. Здесь через сестру она знакомится с доктором П. И. Боковым, другом Н. Г. Чернышевского и опекуном его детей. «Он посоветовал поступить на подготовительные курсы <...> и разбудил меня к новой жизни», — писала впоследствии о нем Корба (см.: Автобио-

графии революционных деятелей русского социалистического движения 70—80-х гг. // Энциклопедический словарь Гранат. Б. г. Т. 40. Стб. 369—370). Осенью 1870 г. начала посещать женские Аларчинские курсы (до 1872 г.) и вскоре в Петербургском университете сдала экзамены на домашнюю учительницу. В это время Корба активно занимается самообразованием. Читает «Положение рабочего класса в России» В. В. Берви-Флеровского, 1-й том сочинений Ф. Лассалья, К. Маркса, «Исторические письма» П. Л. Лаврова. «Чтение этих книг, — писала Корба, — произвело на меня потрясающее впечатление и заставило проявиться всем социалистическим устремлениям, дремавшим во мне. С тех пор я стала убежденной социалисткой <...> Они сделали меня навсегда другом трудового народа» (Там же, стб. 374, 376).

Летом 1872 г. Корба переезжает с мужем в Москву, а весной 1874 — в Минск. Здесь по ее инициативе было образовано Общество попечения об учащихся. «Пока я жила в Минске, я занималась делами Общества, но это не могло удовлетворить меня <...> Приближалось то время (лето 1876 г. — С. И.), когда слово „свобода“ прозвучало в России. Хотя оно относилось пока только к борьбе славян с турками <...> я не могла остаться спокойной <...> Мне хотелось оказать хоть малейшую помощь борцам за свою свободу <...> Единственное маленькое дело состояло в сборе денег. Я привлекла к нему нескольких знакомых; кроме денег мы собирали белье и другие пожертвования, а когда приблизилась зима, мы отправили несколько тюков с полушубками в Московский комитет, заведовавший отправкой посылок в славянские земли» (Там же, стб. 376—377).

9 ноября 1876 г. Корба под впечатлением от октябрьского выпуска «Дневника», посвященного (глава вторая) современному состоянию восточного вопроса и в связи с этим исторической интерпретации понятия «лучшие люди» (23, 148—162), отправила Достоевскому письмо с просьбой помочь ей как начинающей писательнице и приложила к нему свою статью «Лето 1876 г.», написанную в духе автора «Дневника» частью до, частью после его прочтения. Свое желание писать именно Достоевскому, встретиться с ним — «обеспокоить своими стонами» Корба объясняет «невнысимой» потребностью «поделиться мыслями» и получить помощь от «лучшего врача», в котором она встретила «большую, искреннюю любовь к народу». Свои мысли Корба высказывает здесь же в статье, полной восторгов по поводу того, что восточная война открыла новый период в истории России, что наконец интеллигенция объединилась с простым народом в едином порыве сочувствия и сострадания к южным славянам. Восторженная статья Корбы, местами текстуально совпадающая с октябрьским «Дневником», вызвала «полный любезного внимания» ответ Достоевского от 16—20 ноября 1876 г., в котором писатель приглашал навестить его в начале декабря (не сохр. 292, 314). В ответном письме от 4 декабря 1876 г. Корба написала, что «вследствие разных обстоятельств» откладывает «поездку в Питер еще на целый месяц». Неизвестно, состоялась ли в конечном счете их встреча. Через полтора года Корба начнет свое активное участие в «Народной воле». С августа 1879 г. как агент, с января 1880 г. — член Исполнительного комитета и редколлегии газеты «Народная воля», хозяйка конспиративных квартир и народовольческой типографии; в 1883 г. по «процессу 17-ти» приговорена к 20 годам каторги (см.: *Волгин И. Последний год Достоевского*. М., 1990. С. 569—590). Позже, написав обширную «Автобиографию» и «Воспоминания», Корба упомянет Достоевского только однажды: «Мое идейное народничество сложилось под влиянием книг Лаврова, Флеровского, Глеба Ив. Успенского, *отчасти также Достоевского*» (*Прибылева-Корба А. П. «Народная воля»: Воспоминания о 1870—1880-х гг.* М., 1926. С. 32; курсив мой. — С. И.). Думается, что даже если их встреча имела место, вряд ли эта «часть» — вклад Достоевского в идейное становление Корбы как террористки был значительным (подробнее о вероятности ее личных контактов с Достоевским см.: *Волгин И. Последний год Достоевского*. С. 575—576, 579). Скорее всего, в эту гипотетическую встречу писатель мог напутствовать Корбу на активное проявление своей любви к народу в служении общественному делу. 6 декабря 1876 г. Достоевский, в связи с демонстрацией молодежи на Казанской площади, пишет в Записной тетради: «Мы, кажется, дошли до самой последней степени разъединения с народом. Пример 6-е декабря* (24, 310). Не исключено, что именно Корбе адресованы следующие строки из подглавки «Кое-что о молодежи» декабрьского выпуска «Дневника» за 1876 г.: «А у меня именно есть таинственное убеждение, что молодежь-то наша и страдает, и тоскует у нас от отсутствия высших целей жизни. <...> Наша молодежь так поставлена, что решительно нигде не находит никаких указаний на высший смысл жизни. <...> Нет, видно двухсотлетняя оторванность от почвы и от всякого дела не спускаются даром. Винить недостаточно, надо искать и ле-

* Здесь. 6-е дек<абря> (примеч. Достоевского).

карств. По-моему, еще есть лекарства: они в народе, в святых его и в нашем соединении с ним. <...> Я и „Дневник“ предпринимал отчасти для того, чтоб об этих лекарствах говорить...» (24, 51—52; разрядка моя. — С. И.). Не ответ ли это на вопрос Корбы? «...я жду от Вас помощи, не имея на то права; разве только право страждущего стонать от боли; а у меня в течение долгих лет наболела душа, и если теперь я решился беспокоить Вас своими стонами, то потому что знаю, что лучшего врача не найду» (9 ноября 1876 г.; курсив мой. — С. И.).

Не исключено, что именно Достоевский в эту вероятную встречу вдохновил Корбу, так же как и С. Лурье, на поездку в Сербию в качестве сестры милосердия — и она его не разочаровала, доказав своим участием в русско-турецкой войне искренность и глубину своих убеждений. Закончив в мае 1877 г. подготовительные курсы в Минске (см. примеч. 1, 2 к 5-му письму Лурье), осенью Корба одна отправилась в Рени (город на русско-румынской границе), где при Благовещенской общине участвовала в эвакуации через Румынию раненых и больных в санитарных поездах. С окончанием военных действий в мае 1878 г. Корба вернулась в Петербург; к этому времени относятся ее активные поиски революционеров. Среди ее различных революционных связей интересным, в связи с Достоевским, представляется знакомство с А. Г. Архангельской — корреспонденткой и знакомой писателя (см. публикацию письма Архангельской к Достоевскому в сб.: Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1994. Т. 11. С. 231—234). «Я познакомилась, — пишет Корба, — также с Александрой Гавриловной Архангельской, получившей впоследствии такую громкую известность на поприще земской медицины в качестве врача и так рано умершей. Я пробовала увлечь Александрой Гавриловной революционным энтузиазмом, которым сама была полна, но она оставалась непоколебимой. Соглашаясь со мной, что борьбу за освобождение народа надо начать, пока он в своих бедствиях еще не дошел до последних пределов, она останавливалась на полдороге, когда надо было прийти к какому-нибудь решению. „Если Вы согласны со мной, — убеждала я ее, — так будем искать революционеров вместе; будем работать с ними, и, если нужно, умрем за свободу“ <...> „Я не уверена, — говорила она, — что путь, который Вы нашли, приведет к лучшей доле народ <...> Я завидую Вам в том, что Вы нашли свою дорогу и неуклонно пойдете по ней“. На этом прервались мои попытки увлечь Архангельскую на путь революции» (*Прибылса-Корба А. П.* «Народная воля». С. 31).

Весной 1879 г. Корба, примкнув к партии «Народная воля», полностью ушла в революцию. После разгрома партии (1882) провела долгие годы на каторге. После 1917 г. работала в Обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев, печаталась в исторических журналах.

Известны два письма Корбы к Достоевскому (1876, ИРЛИ). Сведения о не сохранившемся ответе Достоевского см. 292, 314.

Письма публикуются по подлинникам: ИРЛИ, № 29746.

¹ Речь идет об октябрьском выпуске «Дневника» за 1876 г. (23, 136—162).

² В ответном письме от 16—20 ноября 1876 г. Достоевский пригласил Корбу посетить его «в первых числах декабря» (не сохр. 292, 314).

³ Текст Корбы: «Мы всегда ~ невежества» восходит, вероятно, к следующей мысли Достоевского: «Явилось, наконец <...> воззрение, что народ наш даже и не может быть теперь компетентен в создании идеала лучшего человека <...> и участвовать в этом подвиге даже не в силах, что его нужно самого обучить сперва грамоте, образить его, развить его, настроить школ и проч. и проч.» (23, 157).

⁴ В конце зимы 1872 г. в результате спекуляций на петербургской бирже лопнуло несколько банковских фирм — пострадали мелкие участники биржевой игры, среди них и муж Корбы, потерявший все, что имел в обороте (см.: Автобиографии революционных деятелей... Стб. 374—375).

⁵ Этот эпизод был описан Достоевским: «Отец, старик солдат <...> идет пешком <...> и с собою ведет девятилетнюю дочку (это факт): „дочку найдутся из христиан, что поберегут, пока я хожу“, отвечает он на вопросы, „а уж я пойду, послужу делу Божию“» (23, 161, 414).

⁶ У Достоевского: «...мы думали, что народ уже забыл свои духовные начала, не уберег их в сердце своем; в нужде, в разврате потерял или искажил свои идеалы» (23, 161).

4 декабря 1876 г. Минск

Милостивый государь
Федор Михайлович.

Ваше столь дорогое для меня письмо я получила 22 ноября¹ и согласно Вашему указанию хотела быть у Вас в первых числах настоящего м<еся>ца. Однако, вследствие разных обстоятельств, пришлось отложить поездку в Питер еще на целый месяц.² Это новая оттяжка судьбы, которой я не особенно охотно смотрю в глаза, или даю потачку.

Еще раз благодарю Вас от души за Ваши строки, полные любезного внимания.

Глубоко уважающая Вас

А. Корба

4 декабря <18>76 г.

На конверте: С.-Петербург

Его высокоблагородию

Федору Михайловичу Достоевскому

Греческий проспект подле Греческой

церкви, дом Струбинского

Почтовые штемпели: «5 декабря Минск 1876», «6 декабря Минск 1876», «7 декабря Петербург 1876».

Частично опубликовано: *Ланский Л.* Утраченные письма Достоевского // Вопросы литературы. 1971. № 11. С. 216; 292, 314.

¹ Достоевский ответил Корбе 16—20 ноября 1876 г. (не сохр. 292, 314).

² Состоялась ли их встреча, неизвестно. См. биографическую справку к предыдущему письму.

Аноним — Ф. М. Достоевскому

20 февраля 1877 г.

Умоляю Вас, прочтите эти строки 17-летнего юноши!..

Милостивый государь,
Федор Михайлович!

Я только что прочел в Вашем «Дневнике» Вторую главу, I—II. Вторая статья этой главы заканчивается словами: «А впрочем, неужели и впрямь я хотел кого убедить. Это была шутка. Но — слаб человек: авось прочтет кто-нибудь из подростков, из юного поколения...».¹ Да, я подросток, прочел и... переменялся. Надо Вам сказать, что я воспитанник 7-го класса классической гимназии. В начале нынешнего года (подразумеваю здесь наш учебный год от половины августа) я случайно попал в круг молодежи, увлекающейся Писаревым и социализмом. Тут я был щедро наделен разными брошюрками,

трактующими о социализме, коммунизме и т. под. Этими брошюрками я окончательно сбился с толку и стал ревностнейшим проповедником овэнизма, сенсимонизма и т.д. Присоединив к этим идеям воззрения Писарева, Чернышевского (которыми я также очень увлекался), я сделался бы самым отъявленным нигилистом, если бы не одно обстоятельство, которое породило во мне сомнений... У меня необыкновенно умный и образованный отец, который своим трудом выбиться из бедности и заслужил всеобщее уважение во всем городе. Раз как-то в семействе у нас зашел разговор о молодых людях, и я в первый раз перед своим отцом высказал свои убеждения относительно нигилизма, русского общества, классического образования... Услышав их от меня, отец очень удивился, но сейчас же принялся доказывать всю несостоятельность моих воззрений на различные предметы. Этот разговор породил во мне множество сомнений, я стал следить за собою, старался относиться критически ко всем новым для меня идеям и, наконец, освободился от многих прежних своих взглядов. В последнее время меня очень занимает вопрос об *интернациональности*, и я уже начал склоняться к принятию этого убеждения, но тут произошло вот что: купил я Ваш январский «Дневник» и начал читать, особенно меня заинтересовало начало первой главы и I и II статьи второй главы. Эти места из «Дневника» я прочел несколько раз и сделался последователем Ваших идей, проводимых здесь. Да! Многим я обязан Вам, Вам, замечательный человек! Вы делаетесь моим наставником! Я с удовольствием перечитываю Ваш «Дневник» за прошлый год и с нетерпением ожидаю следующих выпусков. Ах! Зачем он выходит только раз в месяц, зачем я не могу ежедневно читать такие вещи!!!!... Вы, пожалуй, подумаете, что это ложь, но нет... чувства мои искренни... Чем могу я высказать их неподдельность??...

N. N.

P. S. Как бы я хотел узнать Ваше мнение о Писареве, который имеет громадное влияние на молодое поколение. Это я знаю по опыту.

От лица всех товарищей моих прошу Вас: уделите в Вашем дивном «Дневнике» место для изложения Ваших взглядов на Писарева, Чернышевского и их подражателей и последователей. Этим Вы принесете нам великую пользу; а поэтому Вы, вероятно, не откажете нам в этой сердечной просьбе.

N. N.

На конверте С.-Петербург.

Его высокоблагородию

Федору Михайловичу Достоевскому.

Греческий проспект, подле Греческой церкви,

дом Струбинского, кв. № 6.

На конверте пометы Достоевского:

«Аноним. Обратившегося гимназиста.

Ответить при случае в Дневнике».²

Почтовые штемпели: «Смоленск. 20 февраля 1877», «С.-Петербург. 23 февраля 1877».

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, № 29925.

Частично опубликовано: Вопросы литературы. 1976. № 9. С. 103.

Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

Письмо является откликом на январский выпуск «Дневника писателя» за 1877 г., особенно, как отметил корреспондент, на подглавку первую первой главы — «Три идеи» и подглавки первую и вторую второй главы — «Примирительная мечта вне науки» и «Мы в Европе лишь струочки», посвященные изложению русской национальной идеи в трактовке Достоевского и ее противопоставлению великим идеям Запада: католической, трансформировавшейся, по мнению Достоевского, в современный «французский социализм», и протестантской или германской национальной идее (см. 25, 5—9 и 17—23). По мнению И. В. Волгина, опубликовавшего отрывки из этого письма, личность юного «нигилиста из Смоленска», легко поддавшегося социалистическим идеям и так же легко и быстро от них освободившегося, отразилась в образе Коли Красоткина в «Братьях Карамазовых» (см.: *Волгин Игорь*. Доказательство от противного: Достоевский-публицист и вторая революционная ситуация в России // Вопросы литературы. 1976. № 9. С. 102—106).

¹ Цитируется окончание главки «Мы в Европе лишь струочки» — 25, 23.

² Достоевский не ответил в «Дневнике» непосредственно смоленскому гимназисту, как и многим другим читателям, приславшим ему письма, хотя не раз планировал специальные ответы читателям во многих выпусках «Дневника». Текущие темы увлекали его. Об этом он написал в главке «К читателям», заключающей последний, декабрьский выпуск 1877 г. (см. 26, 126—127).

Неизвестный — Ф. М. Достоевскому

4 декабря 1877 г.

4 декабря

Милостивый Редактор
Федор Михайлович.

Зачеркнутое не читать — плохо написано.¹ [Может быть. Очень, очень хочется этому верить (это по поводу последнего (ноябрьского) выпуска «Дневника»). И с наслаждением читать. Уже три раза прочитал. И «струочки» — хорошо, — тем именно хорошо, что уж очень многих захватывает, по крайней мере себя я вполне узнал в этом определении... «Стушеваться» я давно употреблял, и очень часто, уж очень оно хорошо тем, что и деликатно и сердито (как говорят: и дешево и сердито), но я не знал, что Вам принадлежит это слово. И обозначение этого слова прелестно еще и тем, что тут я встречаю, чуть не первый ли раз, выражение: сойти *на нет*. Это еще лучше, может быть потому, что для меня в первый раз.]²

Но что же, однако, это за новое Слово, которое принесет миру православное славянство? Чего же недостает западному социализму, даже и в соединении с католичеством?³ Ведь социализм и один, сам по себе, заключает в себе элементы объединения всех в одно, в одно братское семейство, общество? Хотя бы напри<ер> Лассаль. Чего же недостает его социализму? (Мне почему-то, уж не знаю почему, не совсем понравилась его личность (Вестник Европы, ноябрь 77 г.). Чего-то как будто недостает в нем. Хоть нельзя не признать, что лич-

ность прелестная. Но любить его, мне кажется, как-то трудно. И ведь русская девушка *не могла* его полюбить. А как это хорошо! И какая же она славная! И что всего удивительнее, мне даже приятно, что она не вышла за него замуж, т.е. никак не смогла полюбить его.⁴ А человек ведь удивительный он был. Тут какая-то есть разница между лучшим западным человеком и нашим — разница, которой я не пойму... Однако я не о том хотел говорить.) Мне сегодня пришлось говорить с одним «европействующим» субъектом. Он мой приятель и человек хороший, добрый. Он говорит, что человеку надо иметь возможность — развивать свой ум, тело и нравственное чувство... Только это, и больше ничего. Хорошо питаться, иметь досуг для развития ума и нравственного чувства — и все. А этого, прибавил он, я и без православия вашего, в социализме найду. Правда это? По крайней мере, до появления «Дневника», т.е. года два тому назад, и я то же говорил. С тех пор пошатнулось во мне старое, а к новому, более путному, я никак не могу прийти... Я хочу, я желаю быть *русским* (по рождению я коренной русский, православный, сын сельского священника), но я не пойму многого. Я не понимаю, что же это такое даст миру православие, или православное славянство, чего бы там не было в социальных (лучших) школах, над чем бы там не трудились? Прудон, Лассаль и многие другие. А мы ведь скажем что-то такое, чего там не было. Положим, общинное землевладение, надел и т.д. — все это так, конечно. Но все это, кажется, не то, недостаточно определяет ответ, не в существенном, по крайней мере. Разве в характере русского человека? В общем народном характере? Но какой же он, этот характер? Какими чертами его можно определить. Мне думается, только вот не могу себе я ясно представить и сформулировать, что все это общинное землевладение и многое другое, и даже само православие есть следствие, а не причина.

Это письмо когда-то написано (и не закончено) было с тем, чтобы послать Вам. Да так и осталось. [Не знаю] Попалось случайно сейчас в руки и не знаю почему, хочется послать.⁵

Печатается по подлиннику: РГАЛИ (б. ЦГАЛИ), ф. 212.1.106.

Частично опубликовано: Вопросы литературы, 1976. № 9. С. 120.

На письмо рукой А. Г. Достоевской (?) проставлен год: «1876», исправленный затем на «1877».

Письмо, представляющее собой неперебеленный черновик, является откликом на ноябрьский выпуск «Дневника писателя» за 1877 г. Послано письмо, видимо, было позднее (см. приписку к нему), но ввиду отсутствия почтового конверта (не сохранился) невозможно установить, когда Достоевский получил его.

¹ Фраза: «Зачеркнутое ~ написано» — приписана позднее.

² Текст: «Может быть ~ в первый раз» — зачеркнут автором письма. Это отклик на главу первую ноябрьского выпуска «Дневника писателя», включающую подглавки «Что значит слово „строючие“?» и «История глагола „стусеиваться“» (см. 26, 63—67).

³ Вопросы эти — отклик на развитые в главе третьей ноябрьского выпуска «Дневника писателя» мысли Достоевского о католицизме, социализме и православии: «Римское католичество, продавшее давно уже Христа за земное владение <...> и бывшее таким образом главнейшей причиной матерьялизма и атеизма Европы, это католичество естественно породило в Европе и социализм. Ибо социализм имеет задачей разрешение судеб человечества уже не по Христу, а вне Бога и вне Христа, и должен был зародиться в Европе естественно, взамен упадка христианского в ней начала, по мере извращения и утраты его в самой церкви католической. Утраченный образ Христа сохранился во всем свете чистотой своей в православии. С Востока и пронесется

новое слово миру навстречу грядущему социализму, которое, может, вновь спасет европейское человечество» (26, 85).

⁴ Речь идет о публикации рассказа С<офы Адриановны> С<олнцева> Засекиной «Романтический эпизод из жизни Фердинанда Лассала» (Вестник Европы. 1877. № 11. С. 119—186), повествующего о знакомстве ее с Лассалем в 1860 г., влюбленности его в нее и сделанном им предложении, которое она отвергла.

⁵ Текст: «Это письмо ~ хочется послать» — *приписан позднее.*

Я. П. ПОЛОНСКИЙ О Ф. М. ДОСТОЕВСКОМ

(Публикация В. А. Туниманова)

Фрагменты из дневника Я. П. Полонского 1870-х гг. были напечатаны в историко-литературном сборнике «На чужой стороне», выходившем под редакцией С. П. Мельгунова при ближайшем участии Е. А. Ляцкого и В. А. Мякотина (Берлин; Прага, 1925. Сб. 5. С. 41—51). Ранее в 4-м сборнике (Берлин, 1924) были напечатаны другие фрагменты дневника поэта («Дневник. — Россия в 1876 году». С. 88—101). Редакция сопроводила вторую публикацию следующим примечанием: «Копия, с которой мы печатаем отрывки дневников Я. П. Полонского, написана рукой его жены Жозефины Антоновны. По-видимому, некоторые места текста переписчица поняла неверно» (С. 41). Редакция ошиблась, озаглавив публикацию «Из дневников Я. П. Полонского в 1878 г.». Только первая запись (8 августа) 1878 г. — своеобразная горестная увертюра к дневниковым записям за сентябрь 1876 г. Последняя запись — 30 сентября, содержащая сочувственный отклик на только что доставленный Полонскому сентябрьский выпуск «Дневника писателя», самый «политизированный» выпуск «Дневника», почти всецело посвященный восточному вопросу.

1876 год вообще прошел для Полонского под знаком «Дневника писателя» Достоевского. Большое впечатление на поэта произвел первый (январский) выпуск «Дневника писателя». 4 февраля он писал Достоевскому: «В Вашем дневнике есть одно достоинство, которое, чего доброго, не понравится нашей читающей публике: в нем есть ум и серьезность <...> читая дневник Ваш, я волей-неволей должен был почувствовать, что мы с Вами дети одного и того же поколения, так что если бы мы разглядели те нравственные нити, которые связуют нас, мы не поддались бы тому духу розни или нравственного распада, который нет-нет да и подсажает на ухо: видеться хорошо, а не видаться еще лучше» (Из архива Достоевского. Письма русских писателей. М.; Пг., 1923. С. 75).

Достоевский в тот же день откликнулся на добрые слова Полонского, поблагодарив за письмо. Позднее Достоевский подарил ему вышедший отдельной книгой «Дневник писателя» за 1876 г. с надписью:

Якову Петровичу
Полонскому
дорогому поэту
от автора.